

Евгений Пышкин

ДЕНЬ ГОНДВАНЫ

Роман-миф

Евгений Пышкин

День Гондваны. Роман-миф

«Издательские решения»

Пышкин Е.

День Гондваны. Роман-миф / Е. Пышкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741707-9

Философское и эзотерическое фэнтези. Его зовут Сатх Ной. Ему пророчат великое будущее, но верит ли он сам в эти сказки, хотя дар у него есть. Только дар не дает права становиться сыном богов, или властителем Гондваны, или величайшим мудрецом на Острове. Для чего посещают странные видения? Может, это только игра?

ISBN 978-5-44-741707-9

© Пышкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

День Гондваны
Роман-миф
Евгений Пышкин

© Евгений Пышкин, 2016

ISBN 978-5-4474-1707-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Величие человека не в том, чтобы следовать судьбе или, проявив волю, самому творить ее, а величие – пройти по границе, разделяющей твою волю и волю богов».

Ной Странник

На заре кровавой мира
Для него давно назначен путь.
И поет, играет лира,
Не давая сердцу отдохнуть.

Воздух в этот день пах по-особому. Иначе, чем вчера. Дурман трав чувствовался сильнее. Пряный аромат щекотал ноздри, казалось, что-то неуловимое витало в мире, но если отбросить иллюзии, то все осталось неизменным. На своих местах были небо и земля, травы такие же, как и вчера, и воздух такой же. Просто двое юношей, вступившие во взрослую жизнь, остались одни. Их соплеменники отправились на охоту, поручив им беречь, будто собственную жизнь. Юноши обрадовались. Наконец-то, думали они, мы стали взрослыми, нам доверили важное дело.

Вот поэтому мир вокруг и виделся иначе: день немного другой, и солнце теплее, и небо чище, и земля добрее, и запахи, приносимые ветром, острее.

Был разведен огонь. Юноши сторожили пламя и подкармливали его. Понадобилось много сухих веток. Юноши набросали дрова ненасытному огненному богу, а он с жадностью поглощал «пищу», пировал, шипя и урча, как хищный зверь над убитой жертвой.

Прошло много времени с тех пор, как племя ушло на охоту. Солнце медленно проплыло почти весь небосвод, и уж больно оказалось скучным это занятие – сторожить костер, хоть яркий танец и завораживал. Что толку сидеть без дела? Юноши захотели помочь соплеменникам. Они решили пойти на охоту, настрелять мелкой дичи, чтобы порадовать родных. Попусту что ли томились тугие луки? Но слова старших, всплывшие в памяти, не давали им покинуть костер: «Огонь нельзя оставлять без людского присмотра. Если не кормить, он зачахнет».

Юноши долго не решались, но тут один из них произнес:

– Слушай, а мы не пойдем далеко, и отсутствовать будем недолго. Давай, накидаем веток огню, пусть ест, сколько хочет. – Юноша указал на кучу хвороста. – Того, что мы натаскали, огню хватит надолго. Пока он гореть будет, а гореть он будет долго, поверь мне, мы успеем настрелять мелкой дичи.

Второй с сомнением посмотрел на костер, затем перевел взгляд на «еду» для огня, но все ж согласился.

Юноши решили принести еще дров, а потом много веток побросали в костер, и пламя взвилось в небеса. Жарко стало вокруг. Рыже-огненный хищник завыл, зашипел и заклокотал от удовольствия. Он почувствовал силу, и в огненном танце можно было прочесть слова благодарности.

– Вот видишь! А ты сомневался! – обрадовался первый. – Смотри, как разгорелся! А он еще долго так будет полыхать. И не успеет съесть все ветки, как мы вернемся.

Юноши взяли луки и отправились на охоту.

Как долго они были на охоте, не известно. Азарт лишил их чувства времени. Вернулись молодые добытчики, а костер потух. Остались лишь теплые угли. Неужели, испугались юноши, мы много времени отсутствовали? Значит, удрученно подумали они, придет племя после тяжелой охоты к потухшему очагу. А что скажут старейшины? Юноши не были посвящены в тайну огня. Не исполнился пока их срок, чтобы узнать секрет, не обладали юноши камнями, высекающие искры, а иначе бы смогли развести костер заново. Наука не хитрая, лишь прояви сноровку и терпение. Можно и трением сухого дерева о дерево это сделать, да только времени мало осталось. Юноши поняли, они не успеют. Судя по положению солнца, вот-вот вернутся соплеменники.

Соплеменники пришли и увидели остывшие угли, поняли, что случилось и помрачнели. Стали совещаться, как поступить. Никто не проявил злобы, ибо охота оказалась удачной, но решение было непреклонным. В один голос они заявили:

– Быть им изгнанниками, и пусть боги решают их судьбу. Знали же они, что не посвящены в огненные тайны, так почему не досмотрели за костром? Не прошли они испытания. Изгнать.

Старейшины согласились с приговором, но один из них, печально и с укором смотря на юношей, произнес:

– Суждения ваши справедливы, братья. Они виновны, и вина их очевидна и не требует доказательств. Мы изгоним юношей, недосмотревших за костром, но даже боги бывают милосердны. Я хочу, чтобы мы были подобны богам.

– Не предлагаешь ли ты помиловать и оставить их? Или хочешь назначить им новое испытание? – удивилось племя.

– Все нет. Но они погибнут в первый день изгнания. Опыт у них небольшой, – старейшина о чем-то ненадолго задумался. – Да, юноши уйдут, так и быть. Этого не миновать, но вместе с ними уйду и я. Голос сердца говорит: не оставь их. Когда же я их обучу всему, что знаю, то вернусь. Ведь я прав? Что они видели за свою жизнь? Боюсь, недолго они протянут без мудрого слова.

– Мы-то не возражаем, – сказала племя. – Но подумал ли ты о нас? С нами останутся еще старейшины, но и твой опыт ценен. Нам бы не хотелось расстаться с тобой надолго.

– Чего вы боитесь? Я же вернусь.

И племя, подумав, отпустило троих людей.

Так юноши покинули родной дом.

Случилось это в вечернее время. Двое юношей и старейшина вышли в неизвестность под покровом сумерек. Старейшина все молчал, но когда они выбрались на открытую местность, произнес:

– Становится небезопасно. Мы пойдем к реке, разведем костер, и каждый из нас по очереди будет вглядываться во тьму – стоять на страже. Нам надо пережить эту ночь.

Так они вышли к реке и пережили первую тревожную ночь вдали от родного племени. Та ночь им показалась бесконечной, но утро все-таки настало. Они увидели реку, мирно плывущую и, глядя на ее спокойные воды, старейшина сказал:

– Мы отправимся по реке, поэтому нужны бревна. На них и поплывем. Я взял каменный топор и другие инструменты. Они в мешке. Берите их.

Юноши забрали мешок и отправились к лесной опушке.

Старейшина сидел на высоком берегу. Он следил, как переливается вода в рассветных лучах. Она серебрилась, как чешуя сказочной рыбы. Старейшина увлекся игрой света и не заметил когда появился человек на том берегу. Незнакомец стоял и молчал. Река не была широкой, и старейшина хорошо рассмотрел его. Он оказался высокого роста, длинные светлые в желтизну волосы ниспадали до плеч. Вытянутый овал лица. Черты его мягкие и воздушные, но в тоже время, что удивительно, будто высечены из камня, словно аккуратно

обозначены умелой рукой резчика. Одежда необычна, никогда старик такой не видел. Она плотно облегалась тело, выделяя стройную худую фигуру. На плечах незнакомца – длиннополый плащ с капюшоном.

– Ты уже понял, кто я и не удивлен? – не раскрывая рта, сказал незнакомец. Его голос прозвучал как эхо чужой мысли в сознании старейшины.

– Да. Тебя зовут Фальт. Ты дух-охранитель лугов и полей.

– Верно.

– Но почему ты пришел? Почему... – И старейшина сам ответил на вопрос: – Только отходящие в иной мир способны осознать духов стихий, а простой человек лишь смутно слышит их голоса.

– Не всегда так случается. Ты знаешь, что что-то происходит в твоей душе. Скажи, зачем ты пошел с этими юношами? Мог бы их и оставить?

– Мог, но сердце велело.

– Вот и ответ на твой вопрос, зачем я здесь, – тихо и обыденно прозвучал голос Фальта в голове, будто он говорил об очевидных истинах. – Сердце велело? Нет, это древняя память просыпается. Когда-то ты был лучезарным духом, плененным тьмой. И твой путь, не только в этой жизни, но и в бесконечном разнообразии миров, есть движение из мрака к свету. – Фальт посмотрел в сторону. – Сейчас они принесут два бревна, и вы поплывете вниз по течению. Я знаю, в каком месте причалить к берегу, и это будет то место, где начнется новая жизнь.

– Ты – дитя стихии, а мудрость стихий превышает человеческую. Я не спросил разрешения срубить дерево у твоего брата Эльфа, извини.

– Ничего. Вам деревья нужнее, а о Шамнах, лесных духах, тоже не беспокойся. Они не причинят вам вреда. Я уговорил брата Эльфа, – успокоил Фальт. – Так что гневаться из-за срубленных деревьев никто не будет. Идите с миром. И да, слушай свое сердце.

Дух быстро растаял в утреннем воздухе.

Юноши вернулись. Они принесли бревна. Старейшина, глядя на то, как ловко держит один из них в руке топор, произнес:

– Когда причалим к берегу, надо найти камни и сделать копья и луки.

Юноши спустили поближе к воде первое бревно. Затем второе. Оно примкнуло к первому.

– Что вы там делаете? – удивленно спросил старик, стоя на высоком берегу и наблюдая за юношами, которые, вроде, пытались растащить бревна в разные стороны.

– У нас деревья сцепились, а как, сами не знаем. Хотим оторвать, но ничего не получается. Намертво. Там, в лесу еще одно срубленное бревно лежит. Мы сейчас его принесем. Это для вас, учитель.

– Погодите. Ничего не трогайте. Выволочите их на мель. А то, что в лесу принесите сюда. И срубите еще столько же. Мы соединим все вместе. Да, и сухих веток и гибких зеленых побегов не забудьте.

Так юноши и сделали. Несколько бревен соединили, получился плот. Охапку хвороста положили на край плота. Один управлялся с шестом, другой же скрепил несколько веток в факел.

Весь день три человека сплавлялись по реке. Они молчали, прислушиваясь к окружающим звукам, но стояла удивительная тишина. Лишь плеск воды, да стрекотание насекомых иногда нарушали ее.

Старейшина задумчиво смотрел вперед. Он вспомнил о беседе с Фальтом, тщился постичь, что значит «лучезарный дух, плененный тьмой», но память спряталась за непрозрачным покрывалом ночи, лишь в глубине блеснул слабый огонек истины. Края сознания, старик был уверен, коснулась истина, оставив след, но след оказался лишь беспомощ-

ным отголоском событий, о которых упомянул дух стихии. Поэтому старик молчал. Лишь когда Отец-Солнце прошел весь путь по небосводу, старейшина заметил Фальта на берегу. Ведение было недолгим, но старик все понял и велел юношам причалить к тому месту, где являлся дух.

Старейшина сошел на берег. Он вел себя уверенно. Юноши удивились его поведению. Со стороны казалось, что он шагал ведомый незримой силой, будто боги вдохновляли, ведь никто и никогда из их племени не был в этих местах.

Юноши остановились и осмотрели окрестность. Впереди простиралась густая заросли, подобные пушистому ковру, что покрывал пологий холм. Люди вошли в чащу. Под ногами оказалась земля из камней и песка, и почти сразу они заметили среди зелени странное застывшее изваяние. Приблизившись к нему, увидели пещеру. Она с раскрытым зевом входа была похожа на чудовище, которое за непослушание неведомые боги превратили в камень.

– Здесь мы, пожалуй, остановимся, – произнес старейшина.

– Не опасно ли тут? – спросил один из юношей.

– Надо уповать на милость богов, но и с вами еще будет оружие. Смотрите, сколько камней. Выберите подходящие и делайте наконечники для копий и стрел.

Пока старейшина раскладывал вещи в пещере и молился богам, юноши обошли окрестность, подобрали нужные камни, а, вернувшись, увидели странную картину: их учитель сидел перед входом в пещеру с закрытыми глазами, а рядом с ним был виден человеческий глаз. Похоже, старейшина где-то отыскал кусок красной глины и нарисовал его на камне.

– Учитель, зачем вы нарисовали это? – спросили юноши, указывая на изображения.

– Это всевидящий глаз бога, это наш оберег. А теперь сядьте рядом. Я расскажу вам сон, который только что приснился.

И он поведал, что горные духи явились ему и предупредили, что место сие проклято, ибо по ночам сюда является Саблезубый – животное, одержимое Хаосом. Оно придет отдыхать в пещеру после охоты и не потерпит чужаков.

– Тогда, может, нам стоит уйти? – спросил юноша, но старик пронзил его ледяным взглядом и вымолвил непонятные слова:

– Сколько лет я был пленником господина тьмы, но мне удалось вырваться на свободу. Теперь я бегу от Хаоса, но не сегодня. Да и куда? Я пока не вижу дальнейшего пути. Поэтому останемся здесь. Духи сказали, что мы сможем победить его. А когда это случится, то пещера станет нашим домом на вечные времена, если захотим. Надо мастерить оружие и готовить ловушки.

Так они и сделали. Затем юноши сходили на охоту, принесли мелкой дичи. Незаметно подкрался вечер.

Когда же они сели перед костром отдыхать, старейшина произнес:

– А теперь смотрите. – Он взял кусок глины и подошел к каменной стене. – Я нарисую вам, что будет дальше.

Старейшина изобразил охоту на Саблезубого. Юноши сразу узнали себя. Вот они с копьями притаились в зарослях, вот, похоже, сам хищник. Он упруго и осторожно ступает на мягкие лапы. Зверь почуял чье-то присутствие. Осматривается. Приседает, готовясь к прыжку. Что он будет делать? Нападет или увернется от опасности? Но вот... Копье пронзает воздух. Оно промелькнуло со свистом и попало в бок Саблезубому. Животное легко ранено, оно еще опасно. И вот второе копьё вонзается в шею. Хищник приседает и уже не может встать. А в этой части камня изображен мертвый зверь.

– Смотрите и запоминайте, – сказал старейшина. – Вот как я нарисовал, так и будет.

Юноши сосредоточено всмотрелись в рисунки на камне. В пляшущем свете костра казалось, что все на камне ожило, плоские фигуры наполнились объемом, со стен глянули

на них картины будущего. И хочешь ты этого, или нет, но невольно веришь: да, так и случится.

Отец-Солнце покинул этот мир. Он вернется в следующее утро. А пока еще светел горизонт на западе, но уже опустился полумрак.

На исходе дня явился зверь одержимый Хаосом. Грузный и угловатый, он все ж ступал ловко на большие мягкие лапы. Прокрался и остановился. Повертел кудлатой головой и принялся. Он почувствовал неладное, но вот легкий ветер унес запахи в сторону, и Саблезубый не смог почуять спрятавшихся юношей. Они, держа наготове копыя, поджидали хищника. Хищник подошел к кострищу, опустил голову и шумно выдохнул. Угли оказались засыпанными землей. Животное насторожилось. Люди даже почувствовали, как напряглись мускулы Саблезубого. Он был готов к прыжку, готов молниеносно напасть, если тот, кто прячется слабее его, а если враг сильнее, готов защищаться.

Все случилось в долю секунды. Тихий свист копыя, разрезав тишину, пронзил воздух, но зверь увернулся. Тут же еще одно копые задело ребра одержимого Хаосом. Саблезубый, заметив охотника, стремглав помчался в его сторону. Желтые холодные глаза дикой кошки вспыхнули в полумраке. Животное не ожидало еще одного стремительного удара сзади. Люди были с разных сторон. И третье копые вонзилось в загривок. Оно задело шейные позвонки. Зад хищника неуклюже осел. Юноша, что скрывался за спиной зверя, выбежал из кустов и стал добивать тяжело раненного камнями. Затем присоединился другой юноша. Уже не желтый свет, а кроваво-красный огонь заплясал в глазах хищника. Он вырвался алыми языками и заразил яростью нападавших.

– Остановитесь! Хватит! Он мертв! – закричал старейшина.

Юноши опомнились. Пред ними лежало мертвое животное. Окровавленная шкура – мешок шерсти с переломанными костями – распласталась на земле, не стало той пугающей мощи. Юноши не понимали, как они переступили ту грань, за которой пропало чувство реальности, когда зверь выпустил из себя дух Хаоса.

Юноши тяжело дышали.

– Все кончено, – тихо произнес старейшина.

Юноши заметили легкие раны, что остались на их телах. Но как зверь нанес их? Почему не почувствовали боли? Они бы не смогли ответить на эти вопросы.

– Скажите, учитель, – спросил один из юношей, – как вы узнали о тех ударах копыя, что мы нанесли хищнику? Это было предопределено? Или вы управляли судьбой?

– А что есть судьба?

В ответ охотники растерянно пожали плечами.

– Что есть судьба? – настойчиво спросил старейшина. – Судьба – это там, где я не могу, где я не сумею ничего исправить. Каждый человек смертен, он не избежит этого. Вот это мы и называем судьбой. Ответьте себе на вопрос: могли мы убить одержимого Хаосом? Могли два человека в смертельной схватке с хищником выйти победителями? Я скажу: и да, и нет. Там, где вы были несколько мгновений назад, идет грань между «я могу» и «судьбой». Величие каждого человека не в том, чтобы следовать судьбе или самому творить ее. Величие в том, чтобы пройти по той грани, разделяющей судьбу и волю людей, скользнуть по лезвию жизни.

Старейшина устало сел перед звериной тушей. Старик, посмотрев в застывшие глаза хищника, облегченно выдохнул:

– Теперь это наше место. Хаос отступил, но он не дремлет. Я чувствую времени у меня мало, и смерть моя ближе, чем вы думаете.

– Как! – удивились юноши. – Разве вы не вернетесь в селение, когда передадите нам весь опыт?

– Вы слишком наивны для своего возраста. Неужели подумали, что я собирался вернуться? В моих-то годах. Я не обманул старейшин рода, они все поняли и без слов, они ведали, что так и случится. Обсуждая вас на совете, я прочитал в их взглядах понимание и соучастие. Предводители племени молчаливо разрешили мне быть с вами до самого конца.

Юноши испытали смешанные чувства. Они были рады и тоже время неловкость, ощущение вины сковали их речь. Наконец, один из них спросил:

– Учитель, что значили ваши недавние слова о пленнике тьмы?

– Ну-у. – Старейшина улыбнулся. – Надо развести костер и я расскажу вам одну историю о Прекрасноалом, жившем на звезде.

Глава 1

Их двое на краешке вселенной.
Они на нити между Да и Нет.
Окутаны тайной сокровенной,
Где смертна Тьма и бесконечен Свет.

Ручей нес тихую песню, журча и переливаясь мелодией, как тысячи колокольчиков. Он бледно-голубой лентой начинал путь в горах у нижних границ снежных шапок. Тонкие струи, шепча, прокладывали дорогу из-под толстого слоя фирна до небольшого озера. Оно было прозрачным и не глубоким.

Солнечные лучи, едва пробиваясь сквозь листву, переплетались с песней ручья. Казалось, не вода, а свет стекает по выточенному водой желобу. Камень влажно поблескивал.

Здесь всегда приятно отдохнуть. Забыть ненадолго о том, что сопровождало, и будет сопровождать тебя сквозь время. В полдень деревья хранили утреннюю прохладу. Можно присесть на камень, лежащий в тени. Их было много по берегу водоема.

Сатх, прижав колени к груди и обхватив их руками, сидел на камне. Он сосредоточенно всматривался в течение ручья, слушая журчанье, следил за игрой света, и ум Сатха витал где-то. Так проходило каждое утро. Он пытался уловить в этом что-то родное и близкое. Он полагал, тот сон или фантазию о старейшине и двух юношах явью. Да, это было когда-то. С чего такая уверенность? Он бы не ответил на вопрос.

Сатх, сбросив оцепенение, вспомнил, что его ждут дома. Встал и быстро покинул это место. И все ж печально было оставлять озеро, словно бросаешь друга.

Он пробежал узкой тропинкой, петляющей как змея, миновал жесткие заросли тростника. Взобрался на пологий холм, перевел дух и, увидев впереди деревню, снова отправился в путь.

Жители уже проснулись и занимались делами. Сатх прошел огородами, обнесенными низким плетеным забором и оказался на широкой улице.

Он прибежал к дому. Мать уже вышла его встречать.

– Сатх, где ты был? Хотя нет, не говори, я знаю. Ходил на озеро?

– Да, мама.

– И что ты там делал?

– Слушал ручей.

– Да? Что же он говорил тебе?

– Не знаю, мама, но что-то светлое и чистое, интересное.

Новая забава сына понравилась матери. Она, улынувшись, спросила:

– Сын, будто нельзя сходить позже на озеро и поболтать с ручьем. Днем, например.

– Нет, мама, именно когда просыпается природа, просыпается и ручей.

– Но ведь он течет всегда, даже ночью.

– Но просыпается его душа только утром.

– Все, заболтал ты меня. Иди. Отец ждет.

Дома сумрачно, но прохладнее. Внутренне убранство не блещет роскошью: темный большой ковер на полу, циновки в человеческий рост – кровати, рядом лежат валики, набитые пухом, в дальнем углу на низком табурете стоит ларь для хранения ценных вещей.

Отец Сатха заканчивал завтракать. Он взглянул на сына.

– Доброе утро, сын. Храни тебя Матерь Мира. Садись. Отведай. Опять был у ручья?

– Доброе утро, отец. Да, у ручья. – Глаза ребенка заблестели.

Сатх сел перед низким столом.

– Что-то ты все в облаках витаешь, и где твою душу Зумифь носит, а? Не знаю, выйдет ли из тебя хороший купец. Сомневаюсь. Твои склонности... Хм... Конечно, нечего пенять на детский возраст. Все такими были: непоседливыми фантазерами. Но подумалось, если б дали боги родиться тебе в духовной касте, то твои увлечения, я не только о ручье говорю, пригодились бы в будущем.

– Отец, а разве нельзя, когда я стану взрослым, перейти в другую касту?

– Почему нельзя, можно. – Но на лице мужчины появилась настороженность. – Возраст здесь не причем. Чтобы оказаться в духовной касте, нужен большой труд, а не только твое хотение или сиюминутный каприз. Впрочем, переход в любую касту всегда труд. Я хочу сказать, что духовное делание – самый сложный путь для человека. Это сродни походу в неизведанное. Велико дело земледельца. Он любит свою землю, он знает, как вырастить большой урожай, но это известно всем давно, ибо из поколения в поколение передаются секреты возделывания земель. Не надо думать об этом. Лишь люби Мать-Землю. Сохраняя плодородие ее тела. Сколько забрал, столько и верни. Так в любом деле. Но труд в духовной касте имеет иную природу. Ты не идешь проторенными тропами, нужно самому пережить мудрость прошлого. Когда ж закончишь питаться ею, то отдавать плоды начнешь не сразу, а через много-много лет, ближе к концу. Я не знаю, Сатх, понимаешь ли ты сейчас мои слова, но обязательно их запомни. Будешь ли в духовной касте, не будешь – не важно. Осознаешь когда-нибудь. Как ты говоришь? «Когда стану взрослым»? Вот тогда и придет понимание.

– Почему, отец, мне все ясно.

Отец добродушно прищурился и, сердечно посмотрев на сына, добавил:

– Не отвлекайся. Ешь.

Дальше они завтракали в молчании.

В голове Сатха закружились разрозненные мысли о ручье, о странном видении, что возникло из ниоткуда. Позже он вновь уллучил время, чтобы побывать на озере.

Что-то тянуло его к этому месту, хотелось опять погрузиться в сказочный мир, слушать журчание ручья, шелест листьев и пение птиц. Он порой ловил себя на мысли: «Вроде, знакомое место. Может, в одной из предыдущих жизней я жил неподалеку?» И все-таки это казалось невероятным. Сатх видел ручей раньше? Ему еще мало лет, и кроме дома и окрестностей он ничего не знал, ну, еще видел не раз городскую площадь, когда ходил с отцом на рынок торговать рыбой. И все. Но почему озеро и ручей возбуждали щемящее чувство потерянного рая?

Сатх различил звук шагов. Кто-то ступал осторожно. Песок тихо хрустел. Он обернулся и увидел девочку, подошедшую к озеру. Она, словно не замечая его, зачерпнула воды, поставила кувшин на плечо и вдруг бросила веселый взгляд на Сатха.

– Здравствуй, – прозвенел ее голос серебряным колокольчиком.

– Здравствуй, – осторожно произнес он, разглядывая незнакомку.

Она улыбнулась.

– Меня зовут Мирна, а тебя?

– Сатх.

– Это хорошо. – И Мирна ушла, растворилась будто видение.

Сатх припомнил ее движения. Они оказались скупыми, но ловкими и быстрыми. В памяти запечатлелось все как в тумане. Вот Мирна наклоняется к глади, ее лицо отражается на зыбкой поверхности и тут же исчезает в ряби, зачерпывает воды, ставит кувшин на плечо – все движения наполнены красотой. Они плавны. Короткое мгновение встречи длится и длится, и вновь начинается сызнова, повторяется как загадочный сон.

И, конечно, мать не могла не заметить странную задумчивость сына, когда тот вернулся домой с озера.

– Сатх, о чем ты думаешь?

– Я на озере видел девочку. Она пришла за водой. Ее зовут Мирна.

– Мирна? Уж не та ли... – теперь задумалась мать.

– Кто она?

– Возможно, дочь куратора Амата Нея. Ней – древний род. Помнишь, я тебе рассказывала историю объединения Гондваны? Прапрадед Мирны – куратор, что служил при Дионе, последнем властителе западной части страны. Затем восток и запад стали единым целым. Но почему, Сатх, ты задумчив? Она тебе понравилась?

– Не знаю. Я...

Сатх смутился. Он не нашел нужных слов. Понравилась ли она? Привлекла внимание – да, но ему представилось, что Мирна – краешек дивного мира, сладкий ломтик странного воспоминания о потерянном рае. Еще один эпизод той забытой жизни. Среди пения птиц, шелеста листвы и голоса воды она словно явилась из тех загадочных мест.

Но задумчивость Стаха развеяли друзья. Они вернули его к действительности. Астар, Зарэт и Ригз пришли и позвали с собой.

Отец, вернувшись, спросил:

– Руи, где сын?

– Ушел с друзьями, Вирн. Знаешь, Сатх видел Мирну.

– Дочь куратора Ган-Дион-Тира? – Руи кивнула. – Неудивительно. Их дом, насколько мне известно, неподалеку. – Вирн сосредоточено посмотрел в глаза жены и улыбнулся. – И что он сказал о ней?

– В том-то и дело, что ничего определенного. Он после встречи с ней сам не свой. Задумчив. Может, он влюбился?

– В таком возрасте? Нет, просто Мирна ему понравилась и все.

– Уверен? – и в голосе Руи прозвучали те ноты, которые мог понять только Вирн, ибо это касалось его прошлого. Он впервые увидел Руи в детстве. Затем были встречи и расставания, но петляющие дороги судьбы не захотели окончательно расходиться. Они настойчиво смыкались, чтобы однажды переплестись.

Не нужно было объяснений. Вирн понял без слов намек Руи. Но теперь ему показалось на мгновение, что прошлое воскресло опять. История повторяется. На этот раз с Сатхом.

На следующий день отец и сын пришли к морю. Рыбачья лодка и сети уже ждали их, и водная стихия приветствовала. Бескрайний простор духов Лиму раскинулся перед ними. Синее море, пронизанное лучами солнца, убежало к горизонту, где сливалось с небом, и оно казалось продолжением водной глади. Не ясно было: лазурный ли купол проливался на землю, или море стремилось ввысь?

Вирн взял с собой несколько помощников – наемных рабов, и все вместе, отчалив, проплыли по знакомым местам, а, вернувшись, Сатх, увидев друзей, отпросился у отца. Отец лишь сказал: «Хорошо, иди, но не забывай, завтра идем на рынок».

– Привет, Сатх, – сказал Астар. – Мы тут одну игру придумали. «Последний бой» называется.

– Я не люблю войну, – ответил Сатх.

– Ну, это не об этом. Это я так назвал, просто. Мы решили разыграть последние дни двух царств.

И Астар рассказал о театрализованном представлении, что видел в столице. Там на арене юноши и девушки танцевали переодетые в богов и людей. Казалось, боги были незаметны. В цветном кружении жесты их и перемещения терялись среди мистического пляса жизни, но Хаос, Мать Мира и духи с ними незримо присутствовали в театре мистерий.

Они всегда рядом. Люди не слышали и не видели их, но чувствовали сердцем и разумом. Танец без слов, лишь жесты: мягкие и плавные, жесткие и резкие – все они выражали эмоции и указывали на чьей стороне персонажи. Ломаные движения рук и резкие выпады корпуса, будто тело пыталось пробиться сквозь невидимую сеть, опутавшую духов – это служители Хаоса. Свободные и непринужденные – духи Матери Мира.

Именно это и предложил Астар. Зарэт и Ригз принесли высохшее дерево.

– Это будет началом всего, – пояснил Зарэт с серьезным видом, хотя так никто до конца и не понял, что под этим подразумевал он.

Толстую узловатую ветвь поместили в центре круга. Астар начертил на песке границы арены.

– Нет, а все же, что такое начало всего? Не Хаос же? – поинтересовался Ригз.

– В школе узнаешь, – нетерпеливо ответил Зарэт.

И они начали...

«В стародавние времена велась война между властителями: Дионом и Тиром. Она шла давно. Никто не помнил, когда она началась. Еще не было на свете тех правителей, а люди враждовали. Война стихала и разгоралась вновь. Случался краткий мир, но Хаос, алчущий крови и человеческих мучений, опять нашептывал властителям планы победоносных боев. Его не волновало, за кем будет победа, важно чтобы кровь лилась постоянно. Так и длилось бы это до скончания времен, если б у Диона не было дочери Иады, а Тир однажды не пожелал воочию насладиться ее красотой. Для этого он со своим слугой Уоллой под видом странствующих мудрецов отправился в Дионию...».

Уолла зашел в комнату и разочаровано осмотрел обстановку. Его взгляд остановился на ложе. Он снял верхнюю одежду и лег. Покои на самом деле ему понравились. Все его разочарование относилось лишь к упущенной возможности. Ведь Дион сам вывел беседу на разговор о дочери, а Уолла не смог направить речь в нужное русло. Мысли беспомощно заворочались. Он не сумел придумать, как добраться до покоев Иады, да и как узнать где они? Он прикрыл веки, пытаясь успокоиться, но вдруг услышал резкий звук «пхе!», похожий то ли на чихание, то ли на кашель, но это был короткий ехидный смешок, донесшийся со стороны окна. Уолла открыл глаза и посмотрел в ту сторону. На окне сидело странное существо. Не животное, конечно, а миниатюрная копия человека. Незнакомец оказался ростом в локоть.

Он вновь усмехнулся:

– Пхе! Уолла, ну, я долго ждать буду? Чего смотришь? Уз не видел?

– Ты...

– Да-да, это я. Дух, который сближает человеческие сердца. Уз, очень приятно.

– Я сплю?

– Естественно! Если бы я разговаривал с тобой наяву так громко, дворцовая стража бы насторожилась. Соображай!

Уз опять хихикнул. Черты его лица оживились.

– Зачем ты пришел? – спросил Уолла.

– Догадайся! О чем ты думал, перед тем как уснуть? – И дух подмигнул.

– О том, как найти покои Иады, проникнуть в них незамеченным.

– Вот именно. Чтобы передать ей письмо от Тира, твоего властителя, верно? Я пришел помочь в этом деле.

– Ты заинтересован в соединении сердец моего господина и дочери Диона?

– Ах, зачем так официально и сухо?! Как будто мы с тобой не о любви говорим, а о покупке земель. А вообще, да, заинтересован. Но не только я. Бери выше. – Уз опять подмигнул.

– Матерь Мира?

– В точку! Короче, просыпайся и следуй за моей бабочкой. На стражников я наведу морок.

И после этих слов Уолла очнулся, как от резкого толчка. Он заметил на противоположной стене белое пятно. Оно то сползало, то поднималось, петляя. Подойдя ближе, он увидел бабочку молочного цвета. Откинув ткань, закрывающую вход в комнату, Уолла стал ждать. Насекомое вспорхнуло и вылетело из покоев. Легкий шлейф из сверкающей пыльцы остался за бабочкой. Уолла последовал за ней. И вот через пару минут он стоял перед глухой деревянной дверью. Насекомое замерло на стене рядом и исчезло. Слуга осторожно, все ж опасаясь привлечь внимание, вкрадчиво постучался. Дверь приотворилась.

– Здравствуйте, госпожа.

– Это вы? – удивилась Иада.

– Откуда вы меня знаете?

– Я видела вас в саду, странник. Зачем пожаловали?

– Передать письмо. Только ничего не спрашивайте. Я лишь исполнитель чужой воли, – произнес Уолла и, протянув девушке свиток, не дожидаясь слов ее, отправился в свои покои.

Иада, закрыв дверь, прочитала следующее:

«Божественная Иада все знают о вашей красоте, но к чему молва? Она не стоит внимания. Что толку слышать о вас? Лучше один раз увидеть, чем мучить себя незнанием всю жизнь. Посему я возжелал лицезреть Вас. Но Вас, наверно, поражает та дерзость, с которой я высказываю свою просьбу. И это потому, что у меня мало времени. Не нужно ничего говорить человеку, передавшему письмо. Достаточно ваших действий. Приходите сегодня к северной стороне дворца. Если вы не придете, то я все пойму, не нужно объяснений. Не имеет значения, какой вы сделаете выбор, правота будет на вашей стороне».

«Значит, – удивилась девушка, – Уз не обманывал, говоря о таинственном незнакомце и его верном посланнике?»

Что ожидает девушка, когда ее ум занят письмом и подкрался вечер, навевающий сладкие мечты? Она ожидает будущую встречу. Уже нет сил, чтобы побороть любопытство.

Иада под защитой полумрака незаметной тенью проскользнула в северное крыло дворца и покинула его. Осмотрелась. Природа хранила молчание, но сейчас оно воспринималось иначе. Она почувствовала в нем тайные знаки. Но где же этот незнакомец? А, может, это все обман, пустышка или чья-то злая шутка? Девушка решительно повернула назад, но задержалась, услышав шелест листвы. Это был не ветер.

– Иада? – следом за шелестом прозвучал тихий мужской голос, такой бархатный и нежный, как сам южный вечер, что терпким настоем обволок мир.

Она обернулась, увидела силуэт и выдохнула:

– Да.

Девушка осторожно сделал пару шагов навстречу, убеждая себя не бояться. Ведь Уз не мог обмануть.

– Зачем вы прячетесь? Здесь никого нет. Я же почувствовала ваше присутствие, – Иада заговорила смелей: – Для чего столько времени скрываться? Боялись? Знаю, вы – странник, как и тот, кто передал письмо.

– В моем послании, все сказанное – правда, и нет ни капли лжи. Я лишь хотел увидеть вас.

– Вы странный. Как же сейчас, хоть и вблизи, вы разглядите меня? Ночь же.

– Мне хватит сумрака. Порой незачем смотреть, если можно чувствовать.

– Отец часто говорил, что странствующие мудрецы не от мира сего. Как ваше имя?

– Зачем оно вам?

– Я все равно его узнаю. – Иада задумалась и оборвала сладостную нить встречи: – Хорошо, приходите завтра в тоже время и на тоже место.

Вернувшись, девушка вспомнила о письме, нашла его и сожгла.

В эту ночь она спала особенно крепко, а, пробудившись утром, не вспомнила, что снилось ей. Целый день прошел в предвкушении будущей встречи.

Для следующего свидания Иада выбрала темно-лиловое одеяние. Оно было легким как воздух. Наряд окутал полностью фигуру, лишь тонкий поясок обозначил осиную талию. Девушка спрятала и лицо. Остались чуть открытыми смуглая коричневая кожа широких скул и миндалевидные слегка раскосые глаза.

Иада посмотрела на себя в зеркало. Убрала ткань с лица. Пригляделась. В мерцающем свете, казалось, кожа отливала золотом, а в уголках пухлых губ заиграла лукавая улыбка. Иада вспомнила, как впервые надела этот наряд на праздник Матери Мира, как сидела рядом с отцом в царской ложе и наблюдала за танцем юношей и девушек на арене. Танец походил на зачарованный пляс огня. Лиловые языки пламени – стройные девушки в полупрозрачных одеяниях, а рядом с ними – крепкие и прекрасные фигуры юношей в красных нарядах. Лиловое и красное. Женское и мужское начало слились в первые минуты осторожно, целомудренно, будто нарождающаяся жизнь делала первые робкие шаги. Но все сильнее и сильнее ее захватывал вихрь любви, страсти. Ритм барабанов участился. Бубенцы загремели, рыдая, в руках музыкантов. Перед глазами замелькало так, что не различить цветов. Психоделическая какофония красок вскружила голову. Лиловые ткани коснулись алых, и вдруг из толпы появилась девушка, одетая в зеленый наряд. Это природа. В союзе женского и мужского родилась природа. Мистический танец был окончен.

Иада отогнала воспоминание. Она вновь прикрыла лицо тканью и покинула комнату.

Тир уже ждал ее в условленном месте. Он посмотрел на девушку сосредоточено, будто проверяя, она ли это. Цвет одеяния лишь угадывался в полумраке.

– Иада, почему вы облачились в такой наряд? Разве сегодня праздник?

– Почему бы и нет, – она отвела взгляд в сторону. – Когда я шла с первого свидания думала, что ты – поэт. Они странствуют по Гондване, читают стихи.

От Тира не ускользнуло то, что Иада перешла на «ты».

– Нет, – ответил он. – Но я встретил одного из них по пути сюда. Знакомство оказалось мимолетным, но запоминающимся. Случилось это ночью. Он вышел к моему костру, мы побеседовали. Странник прочитал стихи и покинул меня. Знаешь, мне показался, этот случай похож на судьбу поэтов и на судьбу тех немногих, как он. Они рождаются, будто из небытия. Их никто не ждет, но по велению богов поэты являются в наш мир, радуют творениями, мы привыкаем к ним, а затем покидают неслышно и незаметно, словно уходят в ночь.

Иада промолчала.

– Ты слушаешь меня? – спросил Тир.

– Да-да. Я вижу, ты красноречив. Ты многое знаешь, но не понимаю, зачем скрываешь имя. Ты не похож на человека преступившего закон. Только они скрываются под маской.

– Объясню позже. Обещаю. Теперь мне достаточно лишь видеть тебя.

– Когда-то наши встречи закончатся. Ты так и уйдешь, не сказав имени?

– Если прикажешь.

– Я хочу видеть тебя завтра на этом же месте. А теперь скажу: «До встречи».

Иада не хотела проводить долгих свиданий с незнакомцем. Ее отсутствие могли бы заметить дома, но даже если бы не было преград, она не захотела сейчас долгих разговоров. Каждая короткая встреча виделась ей маленьким глотком жизни. Не нужно делать больших глотков, иначе все кончится быстро. Иада старалась не потерять вкуса нового знакомства.

Она удивилась себе: никогда бы раньше не подумала, что способна на такое. Свидание с неизвестным, имени которого еще и знаешь?

Но ей и не хотелось срывать маску с человека, поэтому в следующую встречу заговорила об ином:

– Я хочу знать больше. Где ты был до того, как оказался здесь?

– В Тиири. Там мой дом.

– Видел ли ты властителя той страны?

– Да, – настороженно ответил Тир, ожидая, что речь пойдет о нем.

Она же вдруг спросила:

– А как он относится к войне? Не знаешь? Просто я подслушала разговор моего отца с твоим другом. Он выступал за объединение западной и восточной Гондваны.

– Я не знал...

– Это довольно странно, – задумчиво произнесла Иада. – Мудрецы пользуются уважением в Гондване, но они не вмешиваются в политику и отрешены от мирских дел.

Тир нахмурился. Было двойственное ощущение. Уолла за его спиной зачем-то затеял опасную игру, ведь Дион мог и раскусить пришедшего к нему странника, и тогда бы Тир не увидел Иады. Но и в то же время ничего удивительного в речах Уоллы не оказалось, властитель давно думал о союзе двух стран и делился этими мыслями со слугой. Но зачем без его ведома Уолла сделал это? Вот что раздражало.

– Твой отец в праве сам решать: мир или война, – скрывая эмоции, произнес Тир.

– Я бы сама хотела мира... Кстати, Вирн Кой, тоже странствующий мудрец, был как-то у нас, и отец беседовал с ним. Он говорил о сыне богов, о единой Гондване. Странно, все мудрецы говорят об объединении.

– Расскажи мне о той встрече.

Иада рассказала о том, что ее отец спросил Вирна:

– Кем же будет сын богов?

– Будет великим учителем. Скоро придет он. Но я точно не знаю когда.

– Учителем? – недоверчиво переспросил Дион. – А знаешь ли ты, что по гондванской земле ходят десятки великих учителей душ. Так чем же сын богов станет отличаться от них?

– Он соберет все семена знаний и рассеет их за пределами Гондваны. Он станет духовным отцом народов, что появятся позже, о рождении и многообразии которых мы можем только догадываться. Все эти народы будут его потомками и наследниками, но и сам сын богов даст новое знание, и оно распространится по всей земле.

– Я помню, ты говорил о других воплощениях великого учителя.

– Об этом знаю мало. Ведаю, что он будет расти от славы к славе.

– А если Хаос вмешается?

– Матерь Мира хранит его.

Но Иада еще не успела закончить истории, как неизвестно откуда возникли стражники и схватили ее и Тира.

Дион отвлекся от воспоминаний и подумал: «А по какому поводу я... Ну да, Вирн говорил о воссоединении Гондваны, также как и Уолла. Жаль, он ушел. Теперь вряд ли его разыщешь. А ведь как красиво вел разговор! Но ничего, Тиру не удалось скрыться. Попался. Не поверил я вначале слугам, что Иада тайно встречается с кем-то. Но теперь все. Мир будет заключен на моих условиях. Чтобы упрочить его я попрошу себе часть островов Тиири в обмен на свободу их правителя. Конечно, в будущем это грозит новой войной, но... Не моя головная боль. Трон займет другой властитель, он и станет разбираться. Сейчас же мне нужны только два человека: посол и писарь».

Мысли Диона прервал глава стражи. Он, остановившись у входа в зал, поклонился и произнес:

– Властитель...

– Говори.

– Ваша дочь желает с вами встретиться.

Дион поморщился, но сказал:

– Хорошо. Приведи ее.

«Но зачем? Просить прощения? – удивился он, пройдя на середину тронного зала. – Хотя... Что же, всему свое время. Возможно, пора и просить прощение. Как ни странно, я не держу на нее зла».

Появилась Иада.

– Ты что-то хотела сказать? – бархатный голос отца прозвучал тихо и нежно.

– Отец, ты сам знаешь.

Дион внимательно посмотрел в глаза дочери. Нет, не прощения пришла она просить. Взгляд спокоен, холоден и целеустремлен. Так не смотрят, когда приходят виниться в содеянном.

– Неужели о Тире? – не веря, произнес отец.

– Да. Отпусти его.

Властитель еще больше удивился. Он думал, что просчитал все варианты, но эта фраза подобна подводному камню, пощечине или царапине на сердце. Дион скрыл эмоции. Он стал разглядывать дочь, словно перед ним каменное изваяние – красивое и изящное, но холодное и бездушное.

– Иада, – тяжело слетело первое слово. – Ты беспокоишься о Тире? Знай, я не причиню ему вреда. Не настолько я глуп. Конечно, отпущу его, но позже. Сначала отдам распоряжение послу, чтоб отправлялся в Тирию. Надо заключить мир. Понимаешь? Они нам – мир на моих условиях, мы им – Тира.

– Но честно ли так поступать?

– О чем ты? – отец нарочито придал голосу удивление.

– Вряд ли мир будет долгов.

– Мир всегда хрупок. Или ты думаешь, что властитель Тирии нарушит слово?

– Нет.

– Погоди, а откуда такая уверенность?

Дочь не ответила.

– Я, Дион, властитель Дионии, знаю, как лучше, – прозвучал ледяной голос. – Логика власти говорит, что нужно поступить именно так, а не иначе. Логика сердца здесь не уместна, если ты это подразумевала под своим молчанием.

Дион собрался сказать, что беседа окончено, но продолжил тем же бесстрастным тоном:

– Мир по принуждению – насилие? Я так не считаю. Мой поступок позволит избежать войны. И я буду вести свой корабль-государство сквозь время. Ты считаешь, что путь властителя усеян цветами? Ты думаешь легко вести этот корабль через океан времени? Нет. Ведь впереди ждут не только спокойные воды, но и штормы. Можно снять с себя ответственность: бросить штурвал. Но скажи, кто поведет его дальше? Ты об этом думала? Поэтому внутреннему голосу, что говорит: «Отпусти штурвал», я отвечаю: «Нет», ибо одно неверное движение и корабль погиб. Какая-то неведомая сила держит меня. Так в шторм, когда гнев океана велик, когда корабль как щепку бросает с волны на волну, когда понимаешь, что бессмысленно глядеть вперед и направлять, ты все равно не отступаешь. Так что терпите. Вот только океан смиляется над нами, вот только солнце забрезжит из-за туч, мы увидим долгожданную землю благополучия и достатка. И в тот момент, когда она предстанет нашим взорам, нужно быть у штурвала, чтобы все поняли кто спас их. Во время бури у штурвала могут смениться множество правителей, но в суете их никто не заметит, а будут помнить только последнего человека, который оказался рядом с командой, когда океан утих. Один

решительный поворот руля, один героический поступок – вот все, что требует логика власти. Подвиг совершить куда проще, чем превратить свою жизнь в подвижничество. Теперь, Иада, ты понимаешь? Так ведь? Я заключу мир и, если тирийцы его нарушат, то это будет на их совести.

– Все это рабство власти.

– Все это красивые слова! – сорвался на крик Дион. – Мира без власти не существует. Где, скажи мне, где он?! В умах гондванских мудрецов? Не верь наивной сказке, рассказанной Вирном. Этого никогда не случится. Даже боги враждуют.

– Они враждуют с Хаосом.

– Что ты хочешь сказать?

– Мы не можем победить Хаоса, но в силах изгнать господина небытия из сердца.

– Иада, – устало выдохнул Дион. – Как ты сможешь сделать сие? Борьба добра и зла – основа мироздания. Как победить Хаоса?

– Непротивлением злу. Не подчиняться ему, игнорировать его, всегда уходить из-под его власти, тогда оно погибнет.

– Хорошо бы так, но в жизни подобного не случается. Не принимай на веру, что говорят странствующие мудрецы.

– Отец, ты забыл о матери.

– Не приплетай сюда Лавию!

«Это уж чересчур», – разозлился Дион.

– Отец, ответь только на один вопрос: чем она тебя покорила?

– То странное и... – Дион на мгновение задумался. – Надчеловеческое или сверхчувственной, называй как хочешь, что исходило от твоей матери, Иада, могло пленить кого угодно, но я никогда не думал, что же это.

– Ибо ты был содержанием, которое достойно ее формы. Нет, она видела в тебе не внешнюю силу, как будущего властителя. Она понимала, что властью и физической силой могут обладать и не совсем умные люди. Здоровое тело не всегда предполагает здоровой дух.

– Погоди. Все это лишь красивые слова, пустой звук. Мы говорили о Тире, а впали в бессмысленное красноречие. Иди к себе, дочь. Глава стражи проводит тебя. Но наш разговор не окончен. Я не услышал от тебя того, чего хотел.

«Прощения», – чуть не сорвалось с уст, но Дион сдержался.

Почти сразу, как только дочь ушла, появился слуга и сообщил, что куратор просит аудиенции.

– Сегодня все меня осаждают, – сказал Дион вошедшему вельможе. – Говори, для чего явился?

– Я заметил, господин, вы поставили охрану у покоев своей дочери?

– Тебя это смущает? Я распорядюсь, чтобы отвели солдат, но впредь накажу стражникам не спускать с нее глаз. Знаешь же, по какой причине, да? Но, похоже, ты не для этого попросил аудиенции?

– Властитель, вы как всегда проницательны. Я хотел побеседовать о Тире.

– Все речи сегодня вращаются вокруг него, – Дион удобнее сел на трон, приготовившись к долгой беседе. – Слушаю тебя.

– Отпустите Тира.

– Вы все сговорились? Ты опоздал, куратор, я уже принял решение. Твои слова лишь идут вслед моим, ибо я намериваюсь освободить властителя Тирии, конечно, за мзду.

– Позволено ли мне высказать иной взгляд на вещи?

– Конечно, не тяни.

– Я предлагаю тайно отпустить Тира, пока его подданные не хватились пропажи и...

Дион встал с трона и сосредоточено посмотрел на вельможу. Темные глаза налились агатовым огнем, а взгляд стал тяжелым.

– О чем ты, куратор? – холодно спросил властитель.

– По мирному соглашению между Тирией и Дионией во избежание кровопролитий была проведена четкая граница между двумя государствами, но... – Куратор сделал паузу, стараясь не выдать беспокойства. – Но нарушение договора влечет за собой...

– Знаю я, знаю. Ответственность. Мне кажется, вы, чиновники, разнежились в мирное время, вам нечем заняться, поэтому выдумываете всякую чушь. Понимаю, о чем ты хочешь сказать. Я, по сути, пленил их властителя, тем самым нарушил договор, в котором говорится о царской неприкосновенности. Это так. Но думал ли ты зачем он здесь? Возможно, Тир хотел нарушить мою неприкосновенность. Как считаешь?

– Я лично займусь допросом Тира, и не зависимо, что он скажет, мне придется отпустить пленника. Иначе это нарушит его неприкосновенность. Властитель, неужели вы думаете, что Тир пришел шпионить за вами лично?

– Смешно, конечно. Тут ты прав, но зачем он выманил мою дочь на встречу?

– Может, она ему понравилась?

Дион хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он лишь устало выдохнул и, сев на трон, произнес с упреком:

– Такой глупости я не ожидал. И с чего должен выслушивать тебя?

– Господин...

Но Дион поднял руку: «Не надо слов».

– Допроси его, – тихо вымолвил властитель. – Поведение Тира неразумно. Честно говоря, я пока не придумал причин, кроме политических, которые подтолкнули бы его на рискованный шаг. Узнай, не безумен ли он?

– Хорошо. Я все сделаю, как вы велите.

Вельможа не сдвинулся с места.

– Что еще?

– Господин, еще бы я желал заключить с Тирией прочный мир. На все времена.

– Куратор, в твоих словах нет зерна здравомыслия. Ты желаешь отпустить Тира, но и в тоже время говоришь о мире? Пойми, в обмен на его свободу мы получим все, что захотим. Зачем такие сложности?

– А если объединиться?

Дион обжег взглядом вельможу. Черный огонь вновь вспыхнул в глубине зрачков. Куратор машинально отступил на шаг, ожидая гнева.

– Объединиться? – напуская равнодушия, произнес властитель.

– Не совсем. Заключить с Тиром некоторое количество торговых соглашений, выгодных нам. Ведь не секрет, что широкого обмена товарами мы с соседним государством не ведем. Частые войны разрушили многие связи. А торговые соглашения, считаю, умирят чернь. Мне не нравится молва, будоражащая их умы: в Тирии жизнь лучше, а у нас все плохо. Пусть они думают, что мы пошли навстречу им.

– Хорошая мысль, как драгоценный камень, требует огранки, – высказал сомнение Дион. – Но идея мне понравилась. Займись и этим. А отпускать Тира, или оставить в темнице уж предоставь решать мне.

Куратор сделал церемониальный поклон и удалился.

Ранним утром, когда солнце еще не взошло, но осветило восток, первый вельможа пришел к дочери Диона и, удобно устроившись на предложенное место, сказал:

– Я получил разрешение у вашего отца на заключение торговых сделок с Тирией.

– Но какое это отношение имеет ко мне? – удивилась Иада.

Куратор расплылся в таинственной улыбке:

– Все идет как надо, моя госпожа. И вы имеете самое прямое отношение к этому. – И вновь он загадочно улыбнулся.

– Вы ведете свою игру. Это я понимаю.

– Конечно, но на вашей стороне. Дело простое: я заключаю с Тиром ряд соглашений в обмен на его свободу, а вы сбегаете с ним. – Куратор произнес последнюю фразу так, словно побег дело решенное.

Он внимательно посмотрел в глаза собеседницы.

– Я думала об этом, но каждый раз... Погодите, откуда вы знаете, что я замыслила сбежать? Я же никому не говорила.

– Логика, моя госпожа, простая логика, да и глаза девушки прекрасны, когда влюблены, они все и поведали. Ваше бегство нужно для создания единой Гондваны.

Иада вопросительно посмотрела на первого вельможу.

Куратор начал говорить:

– Уже давно в воздухе витает мысль о воссоединении двух стран. Она передается из уст в уста, пересказывается разными языками каждый раз на новый лад, но суть остается прежней: народ Гондваны желает жить в единой стране. Он не хочет быть ни в Дионии, ни в Тирии, не хочет беспокойно вглядываться в будущее, зная, что мирное существование – мираж, готовый растаять в любое мгновение. Сколько раз я слышал о единстве, но правитель отмахивался: все это пустой звук. И в то же время желаю спросить: сколько раз Тир и ваш отец, моя госпожа, начинали войны и заканчивали ничем, еще больше отчуждаясь? Множество. Сколько раз я слышал от мудрецов о единой стране. Да, миф о дне Гондваны – чаяние этих людей, надежда на лучшее будущее. А сын богов? Единый для всех? Как читать сей миф? Как еще один пересказ о единстве. Идеи витают в воздухе. Кажется, духи Вая переносят их из одних ушей в другие. Однако ничего не двигается с места. Властители молчат, хотя осознают, что пора менять взгляды. По крайней мере, в отношении вашего отца я уверен. Есть у него такие мысли, пусть он и говорит обратное. Вы сказали, моя госпожа, я веду свою игру? Верно. Я хочу, чтобы мой внук, который, я надеюсь, станет куратором, жил в Гондване. В единой стране. Мне нужно ваше согласие на побег и я все устрою. Я все беру на себя. Когда вы пересечете границу, я вернусь к Диону и расскажу, что случилось, представив случившееся немного в ином свете.

– Вы рискуете головой.

– Да, но... – Куратор тяжело выдохнул. – Но Совет и солдаты на моей стороне.

Он замолчал, ожидая ответа. Иада сказала: «Да». Куратор, встав, произнес: «И пусть боги помогут нам».

Именно с этого места исторические хроники теряют свою подробность. Да и было ли это? Было ли многое, рассказанное здесь. Известно одно: дочь Диона скрылась с Тиром в соседней стране. Куратор избежал участи забвения, как некогда не менее дерзкие его предшественники. Какие речи произнес он, чтобы успокоить властителя? Что обещал ему? Но в итоге Дион сказал: «Моя дочь захотела породниться кровью с Тиром? Хорошо, я проявлю благоразумие и терпение». Странное утверждение. Или логика сердца возобладала над логикой власти? Или все намного проще: в одиночку Дион не смог одолеть решения Верховного Совета, да и солдаты встали не сторону куратора.

Гондванские историки не дали ответа. Они промолчали, храня загадочную улыбку на устах, как хранят тайны изваяния каменных истуканов из седой древности.

Глава 2

Я как цветок богиней был рожденный.
Я был пленен веленьем темных сил.
Когда ж судьбою был приговоренный,
Тогда предателем навек прослыл.

Урок проходил под открытым небом в ажурной тени деревьев. Учитель Хайм Длаз, подождав пока дети разложат циновки на камнях и устроятся удобнее, окинул их взглядом и произнес:

– Здравствуйте. Пришло время знакомиться. Начнем с ближайших ко мне учеников и закончим дальними местами. Итак...

Ученики, не спеша, представились. Каждый упомянул свою касту, назвал имена родителей, немного рассказал о себе.

– Замечательно, – подвел итоги Хайм. – Обо мне вы уже слышали и знаете мое имя. Пусть сегодняшней темой занятия будет вчерашний день. Им не стоит пренебрегать. Только легкомысленный и безучастный человек отмахивает от него: ну, подумаешь, ну, был день, и не стало. Или: а вот еще один день прожит, слава богам! Поэтому вопрос: кто что делал? Начнем с тебя, Ригз.

– Учитель, – ответил тот, – я вчера с друзьями играл в историю о воссоединении Гондваны. Мы начертили на песке круг, а в центр положили сухую ветвь. – Ригз изобразил руками все действия. Так он чувствовал себя увереннее. – Вот эту ветвь мы назвали началом всего, но что значит начало всего, так никто и не объяснил. Так что же это? Разве Хаос?

– Хороший вопрос для твоего возраста, – улыбнувшись, сказал Хайм. Он окинул взглядом детей, будто искал ответ. – Но, кажется, себе ты все разъяснил, даже не догадываясь об этом? Так? – Хайм сомкнул пальцы в замок. – В начале времен, а точнее до всего, до пространства и времени, был Хаос, а затем зародилось время, после него появилась Матерь Мира. Вот тебе и ответ, если говорить кратко.

– Но как может это быть, учитель? Как из ничего является что-то? – удивился Ригз.

– О Хаосе нельзя сказать, что он – ничего. Он нечто со знаком минус, находящееся по ту сторону бытия. Так лед и вода суть одно и то же, но при разных условиях. Солнце согревает лед, он перестает существовать, превращаясь в воду. Я лишь говорю сравнениями. Солнце – это время, лед – Хаос, Матерь Мира – вода. Но властитель небытия не понимает, точнее не хочет понимать, что Великая Матерь есть его продолжение, что неизбежно возникает время, которое переплавляет беспорядок в гармонию. Таков вселенский цикл. От Хаоса к стройному мирозданию. – Хайм Длаз сделал паузу, чтобы перейти к другой теме. – Ты, Ригз, упомянул о возникновении единой страны. Так вот, это событие тоже подчинено универсальному закону, внутри которого действуют малые, скажем так, частные силы. Здесь многое переплетается: разная степень ответственности за одинаковые преступления и принцип меньшего зла. Вот об этом последнем и хотелось сказать сегодня.

– Учитель, а как можно по-разному отвечать за одинаковые преступления? – спросил Агат. – Разве возможно такое? Я ходил с отцом на судилище, это там, на площади, где проходят праздники. Так вот, чиновник судит одинаково, если проступки одинаковые.

– Конечно. Ты прав абсолютно. Но ты говоришь о суде земном, о земных законах. Я же, указав на ответственность, имел ввиду законы небесные. Людские законы должны приближаться к небесным законам, становясь высшей справедливостью. А теперь я приведу пример, и ты поймешь, что такое разная степень ответственности. Смотри. Убийство –

преступление, но оно может быть оставлено богами, то есть законом небесным, без внимания. Если один человек напал на другого, хотел ограбить, и обороняющийся убил нападавшего, то он не считается преступником. Но порой случается обратное. Грабитель убивает жертву. То, конечно, мы говорим о преступлении. Опять же, возвращаясь к первому случаю, когда разбойник погибает, то мучения, испытанные им во время ухода в иной мир, снимают часть груза ответственности за совершенные ранее злодеяния. Этим примером я хочу показать вам, что арифметика кармы довольно сложная вещь, она доступна во всей полноте, пожалуй, только мудрецам, обладающим острым духовным зрением. Лишь жизненный опыт приносит осознание того, как действует этот механизм. Но я хотел вспомнить вновь историю воссоединения Гондваны и сказать, что не все ратовали за единую страну. Противники нового государства оказывались в тюрьмах, часть сбежала, кого-то убили. Вопрос. Можно ли оправдать принесенные жертвы во имя иного устройства? И вот тут действует принцип меньшего зла. Что случилось, если бы существовали восточная Гондвана и западная Гондвана? Наверно, случилась бы новая война, тысячи убитых, сотни разоренных домов, десятки вымерших деревень. То есть произошло бы большее зло. И когда боги видят, что в туманном грядущем проступают контуры нового большого кровопролития, то делается ими все что угодно лишь бы избежать сего за счет меньшей крови. Оправдывается ли в этом случае убийство противников объединения страны? Конечно, нет. И кто пошел на это убийство после смерти не избежал оков Хаоса, но... Но доля страдания их в том мире меньшая, ибо они предотвратили большее зло, даже если действовали неосознанно. Когда вступите во взрослую жизнь, не все будет просто, как я рассказал на примере, ибо в жизни происходит столкновение кармы отдельного человека и кармы общества. Кроме того, есть мгновения, когда надо принимать быстро решение, некогда думать, некогда взвешивать на весах справедливости разные меры. Есть и иной случай. Бывает, что времени у вас много, чуть ли не вечность, но постичь какое решение станет правильным, вы не можете, ибо человеческий разум ограничен. – Хайм Длаз посмотрел на детей и поймал их жадные взгляды. – И еще. Люди хотели жить в единой стране, и они пожертвовали собой ради этого. Мы не смеем осквернять их память, ибо таков закон. Да и, если говорить начистоту, каждая враждующая сторона по-своему права. Кажется нам, закон жесток, но, запомните, сам закон все же меньшее зло в сравнении с полным хаосом.

Учитель вновь сделал паузу и закончил:

– История о разбойнике и жертве – ясный пример. Держите его всегда в голове. А будете взрослее, поймете и более сложные вещи. На сегодня у меня все. Есть какие-нибудь вопросы?

– Учитель, – произнес Сатх. – Я много раз слышал о «Книге Начал». Вы читали ее?

– Конечно. – Хайм удивился. – Ты хотел бы ее прочесть?

– Да.

– Есть древняя копия этой книги. Она находится на Острове Богов. Но и в наших библиотеках ты сможешь найти это писание. Хочешь, я провожу тебя и покажу книгохранилище?

Сатх кивнул.

– Тогда следуй за мной. – И, обращаясь к другим детям, учитель сказал: – Остальные свободны.

Пока они шли в сторону библиотеки, Длазу почему-то показался странным интерес Сатха к «Книге Начал». Конечно, учитель всегда поощряет тягу к знаниям, когда ученик самостоятельно делает первые шаги, когда желание понимать больше побуждает к новым действиям, но не слишком ли рано Сатх Ной сделал первый шаг? Сейчас не тот возраст, чтобы действовать. Сейчас важно для ученика одно: внимать и запоминать, складывать дра-

гоценные крупницы знаний, чтобы потом ими воспользоваться. «Кажется, он решил взять вершину не по своим силам», – подумал учитель.

Они пришли в книгохранилище и осмотрелись. Был небольшой зал для приема посетителей. В углу стоял грубо сколоченный стол, на нем аккуратно лежали несколько свитков. Рядом со столом – факел на треножнике. Далее виднелся коридор, вдоль стен которого стояли полки, больше похожие на квадратные ячейки с лежащими в них металлическими цилиндрами. Они приковали внимание Сатха. Он оказался здесь впервые.

– Здравствуйте, – поклонился библиотекарь, незаметно появившийся откуда-то. – Что вы желаете взять?

– «Книга Начал», – ответил Хайм Длаз.

Когда библиотекарь принес рукопись, учитель и ученик проследовали до конца коридора, где находилась читальня. Сатх занял стол и, развернув свиток, посмотрел на Длаза.

– Я тебя ненадолго оставлю, – понимающе произнес Хайм.

И Сатх начал читать.

«В начале времен был Хаос,
он метался один средь пустот.
Он понимал, что у него ничего нет,
кроме него самого.
«Да и я быть, увы, не могу,
ибо кто я?», – подумал Хаос.
Он одержим великим желанием: быть.
И однажды случилось так.
Внутри него зародилось время.
А из времени вышел дух,
назвавший себя Матерью Мира.
И Хаос понял:
«Я совершил ошибку,
ибо время – порядок,
а я – отсутствие оного,
Я не может существовать во времени».
И древний дух решил уничтожить его.
Но Мать Мира воспротивилась этому.
Хаос силен был, но одинок,
Мать Мира слаба, и потому
создала она себе в помощь
духов тысяч солнц, чтобы развеять тьму.
И они помогали ей.
И Хаос возненавидел ее
и себя за то, что создал время.
И захотел древний дух вернуть все к безвременью.
И люди, что называют великую битву сражением
между добром и злом
всегда говорят о войне
между временем и безвременьем...».

Вначале был Хаос. Не существовало вокруг никого и ничего. Древний дух, обитавший в пустоте, с клеймом вечного одиночества метался подобно черному смерчу. Он был бесплоден, даже песчинки не мог породить, и ему мерещились бесконечные муки одиночества,

которые разрывали на куски темную душу. Но желание духа быть с кем-то оказалось велико, а воля так безгранична, что вот появилось время. Оно, похожее на огненный цветок, вырвалось из недр небытия, извергнув огромные пространства.

Когда это случилось, никто не знает. Сколько длилось одиночество Хаоса, никто не скажет, ибо времени тогда не существовало, лишь вечная ночь и ледяное молчание окутывали мир, да и мир, который нам привычен, был иным.

Хвала Отцу-Солнцу, мы видим в лучах то, что порой скрывает ночь. Каждый день светило всходит у горизонта, устремляясь ввысь и одаривая великой радостью Мать-Землю. Но не так все в начале времен было.

У истоков всего – Хаос, родивший время, а из него вышла Матерь Мира. Лиловые покрывала раскинула она над вселенной. Сияя, они поплыли во мраке, и тьма отступила. И тут Хаос проклял себя за ошибку. Ведь он сотворил время, которое может погубить его. Где есть время, там нет Хаоса. Где гармония, нет места беспорядку. Господин небытия собрал силы, решив пресечь нежеланное время, но Матерь Мира помешала ему. Живущая во времени, она тщила справиться с древним духом. Тогда решила сотворить она сонм помощников.

Вновь раскинула она покрывала, заискрились они разноцветными звездами. Так были рождены Духи Тысяч Солнц – самые древние и могущественные, жившие на звездах, они словно стражи берегли время, не давая погибнуть новому миру и погрузиться ему во тьму.

Каждый знает, что Матерь Мира собрала осколки времен и спрятала их в сердцах Духов Тысяч Солнц. Каждый знает, есть легенда о том, что в начале всего сущего великая богиня несла в складках своего одеяния мир и доброту. Они сияли яркими огоньками. Она же щедрой рукой сеятеля рассыпала мир и доброту. Они превратились в звезды. В Духов Тысяч Солнц.

Путник ночной, остановись и подними взор на небо. Что видишь ты? Белые точки на черном бархате? Жемчужины небесного океана? Искрящуюся пыль времени? Нет, ты ошибаешься. То, что мы называем ночными светилами и есть Духи Тысяч Солнц, что охраняют прошлое, настоящее и грядущее. Не будет их, и не станет твоих странствий. Куда и зачем тебе идти? Не будет смысла, если не будет путеводных звезд на небе.

И Хаос произнес: «Мир, созданный Матерью Мира, надо уничтожить, но зачем? К чему столько труда затрачивать? Надо поступить хитрее. Достаточно присвоить миры, собрать их под своей рукой. Тогда моя сила возрастет».

Не было любви в сердце Хаоса, не желал он творить новое. «Ибо для чего плодить бессильное время?» – так он подумал и обратил взор на Духов Тысяч Солнц, хитрым взглядом с осторожностью следил за ними, ища брешь в сплоченном сонме. Он со скорбью и разочарованием заметил, что могущество их возросло спустя тысячи тысяч лет. И все-таки обрадовался, когда они возгордились своей силой и величием. Вот она брешь в сплоченном сонме, вот оно мгновение радости. Скоро узнают они силу безвременья.

Хаос заметил, что часть духов захотела быть особливо, но они молчали об этом перед лицом Матери Мира, желая жить во вселенной не с ней, но и примыкать к Хаосу не собирались, потому что боялись безвременья.

Повелитель небытия радостно сказал: «Да пусть будет так. Брешь есть, но до раскола еще далеко. Я подожду, благо я терпелив, что мне пара-другая миллиардов лет».

Хаос дождался того момента, когда пал один из древнейших. Это случилось в перемирие. Обе враждующие стороны, обессилив от стычек, пришли к соглашению. Матерь Мира огненной чертой обозначила границу. Тишина настала. Настало зыбкое равновесие в мире.

Чувствуешь ли ты его, путник? Чувствуешь ли тревогу вселенной, когда на мир твой опускается тьма? Когда множество звезд сияют тебе, а мрак желает поглотить их? Стоит только почувствовать дыхание мира, и ты ощутишь его сердцебиение. Тогда услышишь то,

что неведомо человеческому уху, тогда увидишь то, что не могут зреть глаза смертных. Голос далеких чертогов слагается в песнь древних времен. Мелодия ее вплетается в изящный узор истории.

Духи Тысяч Солнц царствовали во вселенной. Планеты еще не бороздили ее. Бездонны были просторы космоса и холодны, и имени такого – «Земля» – не существовало.

Тогда случилось предательство древнейшего.

Неисчислимое множество Духов Тысяч Солнц прибыло в лучезарный храм Матери Мира, который и поныне стоит на недосягаемом расстоянии для людей и для Хаоса.

Великая Матерь была молчалива.

Духи спросили:

– Для чего ты собрала нас, а уста твои до сих пор никак не разомкнуться?

– Среди вас нет одного, – ответила она. – Почему Прекрасноалого Антареса не вижу?

Ведь слова мои не для избранных. Каждый должен им внимать.

– Кого? Антареса? Неужели ослепла? – удивились духи.

– Я здесь, Матерь Мира, – отозвался древнейший.

– Но ты ли это, Антарес? – спросила она.

– Разве не узнаешь своего сына?

– Я вижу тебя, но где ты?

Духи Тысяч Солнц молча недоумевали.

– Да, виноват я, – признался Антарес. – Летел сюда и задержался, но неужели ты злишься на такую малую ошибку?

– Нет, конечно. Не так больно на сердце. – Матерь Мира опять замолчала. – Скажи, ты кого-то встретил в пути? Ведь только поэтому мог задержаться. Верно?

– Ты права. Я по дороге сюда встретился с одиноким духом, блуждающим во вселенной. Он спросил: «Куда спешишь, дух солнца, у тебя есть дела важнее, чем освещать мрак космоса?» Я сказал: «Спешу в храм Матери Мира. Там встречаются мои братья». Сказав это, я вновь полетел дальше. И вот я здесь.

– Это все, Антарес?

– Да.

– Но почему мое сердце беспокойно? Ты что-то недоговариваешь. Я чувствую в тебе тревогу и сомнения, но у меня нет права силой вытягивать признание. Что ж, – продолжила Матерь, обращаясь ко всем, – я собрала вас, чтобы сплотить еще сильнее, ибо поодиночке вы погибните. Знайте, Хаос не дремлет. Он хочет вернуть свой «порядок». Это скоро случится. Он нарушит перемирие. Хаос желает свергнуть мир в небытие. Я слышу, как бьется его черное сердце в далеких мирах. Это он смог протянуть руки к ним и установить закон вечного разрушения. Но мы бездействовали, потому что набирались сил, а теперь нечего больше ждать. Пришла пора сплотиться и вступить в бой с безвременьем.

– Матерь Мира, а разве мы не можем победить его, не тратя силы? – удивленно спросил Антарес.

– Я не понимаю тебя. Что ты предлагаешь?

– Заключить договор с Хаосом.

– Опять? Уже существовал один в начале времен. Если бы Хаос был честен со мною и с вами, мне бы ничего не стоило предстать пред его темным ликом и просить мира опять.

– Я знаю об этом, Матерь Мира, – вновь заговорил Антарес. – Но если мы создадим такой договор, нарушив который, Хаос потерпел бы поражение, то вскоре и войне пришел бы конец.

– Этого во вселенной не может быть. Хаос – обманщик.

– Но, Матерь Мира, возможно, нам удастся? – спросил кто-то из духов.

– Не соблазняйтесь. Да и ты, Антарес, не соблазняй никого. И помяните мое слово: не искушайте судьбу, чтобы самим не быть искусителями и не впасть в хаос, потому как он переворачивает все с ног на голову.

– Сдается мне, что-то еще успел нашептать Антаресу тот дух, странствующий по вселенной, – заносчиво произнес другой.

– Ригель! – обратилась Матерь Мира к сказавшему. – Не глумись над Антаресом или окажешься вместе с ним. Ты, Антарес, не все поведал о духе. Терзают сомнения? Стоит ли тебе рассказывать все? Если не будет меж нами полного доверия, не будет и полного единства.

– Дух, которого я встретил на пути сюда, – осторожно произнес Антарес, – зародил во мне семя идеи о заключении договора с Хаосом на условиях, которые он не сможет нарушить. Дух сказал мне не только о проведении границы, которая у нас уже есть, но и об изменении закона так, чтобы Хаосу он оказался вреден.

– Это опасное заблуждение. Тот странный дух, похоже, обманул тебя, ибо законы, созданные мной, незыблемы. А если я их буду менять каждый раз, когда захочется, то и нет мне прощения. Я в ваших глазах сравниваю с Хаосом. Если каждый станет закон гнуть по своему усмотрению, беспорядок начнется. Это ж очевидно. Все, забудь о том договоре.

Пусть на время Антарес убедился в правоте слов Матери Мира, но сомнения его не покинули. Странствующий дух, вспомнил Антарес, сказал ему: «Я заключил с Хаосом договор о безмятежности, и теперь владыка безвременья не тревожит меня, а я свободно живу во вселенной».

«Если один смог договориться с Хаосом, то отчего мы не можем? Да, Матерь Мира права, Хаос способен нарушить слово, но дух сказал, что он долго странствует, а Хаос и взглядом его не задел. Матерь Мира не все ведает. Значит, не расточаясь на битвы, можно заключить соглашение и сохранить силы для решающего удара. Матерь Мира весьма мудра, но разве не понимает, что сие – благо. Неужели это я один осознал?» – удивился Антарес.

В его разуме то появлялись, то исчезали мысли о том, как склонить братьев, как уверить их в своей правоте. Множество слов готово было родиться, но однажды Антарес встретился с некоторыми Духами Тысяч Солнц и сказал им:

– Братья, поддержите меня.

– Это рискованно заключать договор с Хаосом, но в тоже время и хотелось не тратить сил впустую. Но как же нам это сделать? Говори, Прекрасноалый.

– Очень просто. Матерь Мира права, я ее не оспариваю. Давайте, заключим договор с Хаосом самостоятельно, но придем к господину небытия не вместе, а поодиночке, а то он подумает, что против него составили заговор. А когда вернемся мы от властелина небытия целыми и невредимыми, то Матерь Мира увидит нашу правоту. Еще раз хочу сказать, братья мои, тот дух, что встретился мне, давно странствует во вселенной, и Хаос ни разу не тронул его. Так что и мы так можем.

– Что ж, Антарес, мы согласны. Вперед, не будем медлить.

Прекрасноалый и часть Духов Тысяч Солнц отправились в мир Хаоса поодиночке, и Хаос благосклонно принял каждого. Духи говорили о своем желании, а владыка безвременья всегда отвечал: «Согласен я, лишь условие: не участвовать в битвах». Один за другим они прошли через его владения. Последним был Антарес.

Вот и Антарес перед лицом Хаоса. Хаос тяжело посмотрел на древнего духа и вымолвил:

– А, это ты, – и в голосе прозвучало безразличие. – Что хочешь? Зачем пожаловал? Я старый дух вселенной, самый древний из вас. А вы – Духи Тысяч Солнц – зачастили ко мне. Ну?

– Наверное, ты догадываешься, что несет мое появление?

– Еще бы! – И Хаос улыбнулся. В этой улыбке не было ни радости, ни злорадства, она оказалась пустой и холодной, ничего не обещающей.

– Я пришел заключить договор о безмятежности.

– Я так и думал. Зачем он вам? Ладно, не говори. Те, что являлись до тебя что-то промямлили – и только. Хочешь – получишь.

Хаос показал из-под плаща руки, будто хотел сказать пришедшему: смотри, я безоружен. Из черноты вселенной возникли голубые искры, летая вокруг костлявых пальцев. Искры оставили белые следы, которые превратились в свиток и стило.

– Прочти и подпиши, – чуть ли не шепотом проговорил Хаос.

Антарес взглянул на договор. Огненные буквы, плясавшие на истлевшей рукописи, рассказали о грядущей судьбе. Антарес увидел безмятежное будущее, новый мир, где он стал свободным духом и творит новое.

– Согласен, – произнес Антарес, подписывая договор.

– Ты прочитал о главном условии? – повышая голос, спросил Хаос. Антарес кивнул в ответ. – Вот и запомни: нарушишь, тогда ты мой. Чтобы не случилось, не участвуй в битвах.

– Я буду помнить, – сказал Прекрасноалый и покинул мрачный мир.

Дух Тысяч Солнц посчитал, что путь его не был усеян цветами, не состоял он из радостей, но не унывать же, не проклипать же судьбу, не сидеть же, сложа руки?

Хоть встреча с Хаосом длилась недолго, Антаресу показалось, что миллион лет он провел в темных чертогах. Было тяжело дышать, думать, что-то отягощало сознание, словно скованное железными обручами чужой воли. Но неприязнь перед господином небытия, перед его обиталищем он преодолел. Он нашел в себе силы, и он гордился этим. «Тот, кто ищет выход, всегда находит», – подумал Антарес. Он мнил себя победителем.

И он был вправе так считать, ведь до времени все шло спокойно. Где-то существовала Матерь Мира, где-то прятался Хаос. Никто не беспокоил Антареса, но однажды Великая Матерь, собрав опять Духов Тысяч Солнц, произнесла:

– Я не вижу среди вас Антареса. Где он?

– Он отказался от битвы с Хаосом, – молвил Ригель. – С его решением согласились еще несколько братьев. Они заключили договор о безмятежности. Они предали тебя, Матерь Мира!

– Не надо осуждать. Не будем тратить время на гнев. Они вольны в своем выборе. Их путь – их судьба. Но если те Духи Тысяч Солнц будут бездействовать, то Хаос проглотит отказавшихся от войны. Для чего они пошли на соглашение? Не понимаю. Ригель, найди хотя бы Антареса и узнай, зачем он это сделал.

И Ригель встретился с Антаресом. Прекрасноалый рассказал брату, уже ничего не тая, о договоре, о странствующем духе, что когда-то нашептал идею о соглашении с Хаосом. Антарес говорил и радовался. Гордость прозвучала в его голосе. Ригель насторожился: «Нет, я не верю. Это не мой брат. Что случилось с ним? Кажется, передо мной чужак в его облики».

– Антарес, это ты?

– Ригель? Я не понимаю к чему... – И Прекрасноалый осекся. Он нырнул в бесконечную глубину глаз Ригеля и прочитал во взгляде смятение и удивление.

«Как же он изменился, словно много времени прошло. Сколько тщеславия в речах», – сокрушился Ригель, но вслух лишь сухо произнес:

– Прощай, брат.

– До свидания. Надеюсь, мы скоро свидимся.

Антарес лишь удивился про себя: «Что с ним случилось?»

Ригель разочарованный вернулся к Матери Мира и все рассказал.

– Не был свободным тот дух, что странствовал по вселенной, – печально произнесла Мать Мира. – Его называют Месситом, духом соблазняющим. Неужели Антарес не понял? Неужели иллюзия свободы затмила разум?

– Что же будет тогда? – спросил Ригель.

– Либо их поглотит Хаос, либо они пострадают от самих себя.

– А что означает последнее?

– Будет случай, когда они нарушат договор, чем властитель безвременья и воспользуется. Он накажет их за проступок. Ригель, возвращайся к своим братьям скажи, что скоро я приду к ним, и мы вступим в бой с Хаосом.

А между тем Антарес и его духи жили отдельно. Они не вмешивались ни в одно сражение, строили свою вселенную, радовались первым успехам и тому, что их никто не беспокоил и не пытался учить. Мать Мира обходила стороной, не покушаясь на свободу предателей. Хаос недобро поглядывал на них, но молчал и спешил по делам. Так длилось тысячу лет, а затем еще и еще тысячу, но иллюзия собственного мирка разрушилась.

Случилось, что Мать Мира и другие духи покинули обычные места пребывания и строили цитадель в ином пределе вселенной. Антареса подумал: «Для чего пустовать месту? Надо занять. Мы же не враги, разрушать не собираемся, даже готовы безвозмездно поддерживать все в гармонии. Если Великая Мать вернется, без слов уступим».

Но случилось по-другому. В эти места вероломно вторглись полчища Хаоса. Среди них был и свободный дух. Антарес и его братья оказали сопротивление, не уступили, потому как поняли: все обман. Мессит действовал заодно с Хаосом, он не был свободным духом. Это ожесточило сердце Прекрасноалого.

Когда же Хаос сковал безвременьем Духов Тысяч Солнц, Антарес крикнул:

– Обманщик! Никакой ты не свободный дух, а раб Хаоса! И ты Хаос, я расторгаю с тобой договор, ты предал слово чести. Печать на моем договоре не действительна!

– Слишком много громких и цветастых слов ты выучил за это время! – рассмеялся Хаос. – Я же сам был против соглашения, помнишь? Но тебе нужно мое честное слово? Их у меня много. Какое дать? Смелей, выбирай!

Хаос опять рассмеялся.

– А кто тебе сказал, что я свободен? – вмешался в разговор Мессит. – Я обманул тебя. Что тут такого? Да и ты обманщик, нарушил условия договора с моим господином о невмешательстве в дела. Вы находились в пределах Матери Мира. Они пустовали. Мы решили занять их, значит, в мыслях они стали нашими. Этого достаточно. Следовательно, вы вторглись в чужие владения, да еще вступили в бой. Плохо, ой как плохо. Теперь вы пленники. Вы – падшие. Верно, господин?

– Все верно, Мессит. Но какой я тебе господин? Ты же волен в своих действиях, – ответил Хаос.

– Но господин...

– Хватит болтать! Забираем пленных, ибо Мать Мира вот-вот будет здесь, мрак ее возьми! Она желает сразиться? Хорошо. Будет ей пекло!

И была битва. Длилась она долго. Удача сопутствовала властелину безвременья в первые мгновения столетий. Ему удалось пленить некоторых из Духов Тысяч Солнц, но все равно он отступил. Господину небытия пришлось вернуться в свои владения. Пленные же были позже спасены Матерью из глубин хаоса.

Падшие же продолжали томиться в океане тьмы. Лишь одного Хаос решил уберечь от такой участи – Прекрасноалого. Его господин безвременья заточил в башне из мрака, приковал цепями-вихрями.

И вот, однажды явился к пленнику Хаос и произнес:

– Послушай, Антарес, ну, пойми, не желаю я тебе зла. Ведь я не обманывал. Это ты нарушил договор. Всего-то и нужно было тебе просчитать варианты, даже самые невероятные. Нужно было смотреть вперед. Зачем ты занял предел Матери Мира? Свято место – пусто не бывает. Слышал? Строил бы свои миры. Я бы к тебе и не сунулся, ибо помню договор о безмятежности. Знаю, ты не всеведущ, но...

– Но свободный дух назвал тебя господином, так?

– Верно. И ты купился на эту ложь? Поразительно! Он обманул тебя при первой встрече, неужели ты поверил ему и во второй раз?! Да не господин я ему. Прицепился ко мне этот ошметок! Он дух соблазна – дух льстивый. Дай волю, к кому-нибудь да привяжется. Так что, не раб он мне.

– Но для чего ты пришел в узилище? Потешаться?

– Ах, ну да. Спасибо, что напомнил. Отпустить тебя не могу, сам понимаешь, нарушение договора, но подарить один из миров моих...

– В обмен на что? – Надежда и тщеславие разыграли в Антаресе. Он захотел строить свою вселенную.

– В обмен на услугу. Ты будешь охранять хаос от Мессита. Если захочешь. Но я думаю, захочешь. Работа простая. А если уничтожишь его – так не жалко. Ненавистен мне этот дух. Не люблю я его. Слишком мелок, пакостен, мнителен и невоздержан. От него много грязи, а пользы никакой.

Антарес молча принял предложение Хаоса, ибо месть черным огнем заплескала в сердце: «Что ж, держись обманщик!»

– Так ты как, согласен? – вкрадчиво спросил Хаос.

– Да, – ответил Прекрасноалый и в мгновение был освобожден.

Цепи-вихри исчезли, и Антарес помчался на поиски Мессита. Сначала, решил Антарес, убить соблазнителя. Однако это оказалось сложной задачей. Дух соблазна оказался вертким и скользким, как угорь, но это еще больше ожесточило сердце Прекрасноалого. Он мстил тем, кто слушал речи соблазнителя.

Так с тех времен и повелось: за духом соблазна следует дух возмездия. Как только рассеивается иллюзия полной свободы, как только проходит морок, вмиг настигает мщение. Это Антарес соблюдает сей закон.

Его метания видела Матерь Мира, и она поклялась помочь несчастному позже. Сейчас же нужно быстрее восстановить разрушенные миры, вернуть их к гармонии, затеплив свечу любви. Она родила еще одного духа и дала ему имя – Солнце. Затем появилась Земля. Стан Великой Матери умножился. Отец-Солнце, оплодотворяемый духом Матери-Земли, создал еще несколько духов. Он назвал их царями, что значит заревые, солнечные.

Царь Благословляющих Крыльев.

Ему подчиняются мятежные духи суховеев – Свис. Теплые и влажные ветра – Вая. Облака, тучи, дожди, туманы и росы – Зумифь. Беспощадные ураганы, грозы и штормы – Нерида. Вечно молчащие снега и иней, морозы и горный фирн – Нильва и Аи. Все они были безликими и безымянными и внешностью не схожими с людьми или животными.

Царь Оживляющих Вод.

В его свите мрачные духи топей, болот и трясин – Ганн. Кровожадные духи морских глубин, просыпающиеся с приходом штормов – Нукгур. Есть и спокойные, но своенравные духи озер, рек, ручьев, холодных ключей и поверхностных вод океанов и морей – Лимму. Все они тоже безлики.

Царь Огненного Тела.

Он властвует над огненными духами землетрясений и вулканов – Шартар. Духи минералов и драгоценных камней – Камт. И, наконец, величественные духи гор – Ро.

Царь Животных.

Служат ему царства животных – Жанаран, птиц – Ханха, насекомых – Несга. Они обитают везде, на суше и в водах.

И, наконец, Царица Растений.

Духи, что служат ей, неуловимо напоминают людей. Так есть Шамны – духи деревьев. Их дом – зеленые кроны. Духи никогда не покидают их. У каждого Шамна свое дерево, и если оно живо, жив и Шамн. Эльфы – старшие братья Шамнов. Дом Эльфов – бескрайние леса. Друиды – корневеды. Благодаря этим духам живо растительное царство. От лишайников и грибов до могучих деревьев – все живет их стараниями. Майлы, обитающие в лесных травах, лишайниках, грибах, кустарниках и мхах. А где леса сменяют луга, царствуют духи, похожие на Эльфов, но зовут их Фальтами.

Однажды прогуливалась Царица Растений по лесу со своим братом, Царем Животных, заметила обезьяну с палкой. Ничего удивительного вначале не показалось ей в этом зрелище. Животное как животное. Царица не раз видела, как умная обезьяна сшибала нехитрым орудием плоды с деревьев или откапывала сладкие корни, или тонким прутиком тыкала в муравьиные норы, чтобы насекомые заползли на ветку, а она бы их съела. Да только сегодня животное почему-то без умысла махало палкой. Похоже, оно фантазировало.

– Брат, посмотри, какая смешная обезьяна, – улыбнулась Царица. – Гляди, как махает палкой. Видимо, считает себя божеством.

Царь Животных рассмеялся, но подумал: «А что ж, пусть будет новое творение в царстве моем, и пусть оно оберегает остальных зверей».

Так появился на свет человек. Только изначально он был двуполым существом, чем и отличался от животных.

Отец-Солнце и Мать-Земля, увидев это, родили на свет вторую царицу – Лилит. И завещали ей властвовать над миром людей. Лилит же создала себе помощников. Это были множество духов охраняющие человеческий очаг – Ман. Духи, сближающие сердца мужчин и женщин – Узы. Даже духи детских игрушек – Исн и духи, оберегающие творения рук человеческих – Алианда, есть в ее свите.

Сатх читал и читал дальше, все больше погружаясь в сказочный мир, застывший в иероглифах. Новые слова, будто неведомые сущности, выныривали из глубины времен, вызывая странные и непонятные чувства, охарактеризовать которые оказалось трудно. «Недопроявившиеся образы» – так можно назвать тех существ. Они чудились существами из далеких лет. Память о них частично стерлась, но в итоге она превратилась в музыку. Это была музыка вселенной. Мелодия не грозная и бушующая, а спокойная и усыпляющая. Сатх не заметил, как погрузился в нее. Дневной разум померк, и сознание отправилось в завораживающее путешествие по мирам. Сатх увидел сон: морское побережье, закатное солнце окрасило песок и воду розовым цветом. Он показался неестественным. Шелест песчинок. Будто желтая струйка, рассыпаясь, бежит по пергаменту. Звук ровный и сухой все приближался и приближался. Сатх обернулся. Перед ним плясал суховей. Песок вихрился, и вдруг исчез. На его месте возник старец.

– Меня зовут Свис. Я дух пустынь, – сказал незнакомец. – Матерь Мира послала к тебе. Она знает, что беспокоит твой ум. Ты еще не можешь облечь это в слова, но даже я вижу, искра иного сияет внутри. Скажи, кто автор «Книги Начал»?

– Даже гондванские мудрецы не ведают об этом. Его имя, как говорят они, потерялось в прошлом.

– Хочешь узнать его?

– Я еще не думал об этом.

– Тогда, Сатх, отправляйся на Остров Богов.

– Вы знаете мое имя?

– Ты очень странное существо. Вроде, человек, а, похоже... – Старик задумался на мгновение. – Я упомянул о Матери Мира, значит, она и поведала твое имя. Стоило об этом догадаться сразу.

– Да-да... Но я хотел...

– Отправляйся на Остров Богов.

Сатх протянул руку к Свису, но она прошла сквозь старца, и мальчик почувствовал прикосновение множества песчинок, будто песок сыпался на кожу. Старец превратился в суховей и вскоре рассеялся по воздуху.

– Сатх, проснись, – прозвучал голос Длаза.

– Учитель? – Сатх осмотрелся. Та же читальня, только стало темнее – приблизился вечер.

– Я не хотел тебя тревожить, ждал, но ты все не выходил из библиотеки. Много прошло времени. Тебе пора домой.

А Сатху все чудилось, что сон о духе пустынь продолжается. Может, тот старец был похож на учителя? Может, это опять он. Сатх внимательно посмотрел на Длаза. Тот заметил пристальный взгляд и спросил:

– Почему ты так на меня смотришь?

– Учитель, а вы знаете, как добраться до Острова Богов?

– Конечно. На корабле. Если будет хорошая команда и попутный ветер, то за два восхода солнца можно доплыть. Но тебе это зачем? Вроде рано. – И Хайм улыбнулся.

– Мне надо туда.

– Станный ты какой-то. Сначала «Книга Начал». Теперь Остров Богов. Нет, я не возражаю, но учти, без присмотра тебя никто не отпустит.

– Значит, я поеду? – Притаилась робкая надежда.

– Посмотрим, Сатх, посмотрим, – задумчиво произнес учитель.

Он вновь поймал жадный взгляд ученика, и стало тревожней на душе. Хайм решил, что перед ним другой ребенок. Подменили его душу. Тело тоже, но суть изменилась. Взгляд Сатха стал иным.

Глава 3

Первый, узревший величие храмов небесных.
Но только в одно поверь:
Ведь ты не последний в этом ряду бесконечных
Приобретений, потерь.

Больше всего на свете Сатха волновал тот старец. Появившись раз во сне, он больше не беспокоил, но вопрос свил гнездо тревоги в сознании: «Зачем надо плыть на Остров Богов? Неужели автор „Книги Начал“ жил там?» Ответа не было. Но стоило ли обращать внимание на сон? И тогда всплыла фраза, услышанная когда-то: «Иногда то, что считается сном, таковым не является. Бывает, что это просто видение». Но так ли? Ум Сатха оказался еще слишком молод, чтобы провести границу между игрой воображения и прозрением. Его смутил Свис. Почему Матерь Мира послала его известить? И почему он? И почему явился в образе пожилого мужчины и завел разговор о книге? Вопросы посыпались, как из рога изобилия. Они как куски мозаичного полотна, рассыпаясь, не стремились к порядку, и невозможно понять, на какие из них стоит обращать внимание, а какие отбросить в сторону? Проще взять и разметать эти острые куски тревоги, ранящие неокрепшее сознание.

А однажды, спустя пару дней после сна в библиотеке, Сатх решил, что это как-то связано с сыном богов. Почему? Он и сам не знал. Просто, отдыхая в любимом месте, у того самого озера, мысль так естественно возникла, будто и не выдумка вовсе, а словно Сатх вдруг вспомнил о ней случайно. Ему это показалось забавным. Чудесная сказка Вирна Койя о сыне богов виделась интересной игрой ума, но не более. В названии этой легенды слышались «непостижимость» и «недосягаемость». Как если б Сатх смотрел с равнины на самую высокую гору. Взобраться на нее невозможно, ибо слишком она крута. Увидеть вершину нельзя – она теряется в вышине и, кажется, тонет в облаках. Вот таков и сын богов – красив и величественен. Но наполнен ли он содержанием? Или это просто бездушный идол?

Сатх не отказался от поездки на Остров Богов, когда, спустя пару недель, Хайм Длаз уладил все дела. У Хайма и в мыслях и не было потакать ученику, но, видя, что желание не тускнеет, а обретает ясное очертание, выхолащиваясь от сиюминутного каприза, решил пусть будет, что будет, они вместе поедут туда.

Торговый корабль шел на Северный полуостров и по пути причаливал к берегам Острова Богов.

Глядя на карту, капитан сказал:

– Вы со своим учеником сойдете на Острове Богов. Далее. – Он указал тупым концом стило маршрут – красную пунктирную линию. – Я вдоль Крокодильего острова проследую к Северному полуострову. Там моя команда пробудет какое-то время. Вопрос. Господин Длаз, через какое время вы предполагаете вернуться домой?

– Думаю, мы пробудем... Неделю.

– Путь в одну сторону занимает около семнадцати дней. Я не успеваю в любом случае. Если случится еще один корабль, идущий от полуострова, то дело другое. Я могу передать им, чтобы забрали вас. Но, как и положено, на обратном пути я причалю к Острову Богов.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился Длаз.

– Мы отправляемся сейчас. На месте окажемся с рассветом, – предупредил капитан и покинул каюту.

Через несколько минут торговое судно отправилось в путь. Сатх и Хайм Длаз вышли на палубу. Стараясь не мешать команде, они разместились на корме. Учитель развернул карту Гондваны и обратился к ученику:

– Я решил зря не терять времени и заняться географией. Смотри, мы только что находились здесь и наш путь пролегает сюда. – Хайм стал водить рукой по карте. – С первыми лучами солнца наше путешествие закончится тут.

– Я знаю вот эти два островка. Это столица Гондваны.

– Верно. Восточный – это Тирия, а поменьше – Портовый. Смотри далее. Западнее Тирии – Драконья Лапа. Севернее Тирии – Малая Драконья Лапа. К востоку от Лапы еще два – Голова Дракона и Голова Слона. Южнее последнего – Малая Слоновья Голова. Все это вместе и есть центр Гондваны. Конечно, ты этого не запомнишь, но со временем все встанет на свои места. Кроме этих островов есть еще севернее Драконьих Лап – Когти дракона, а всех западнее – Крокодилий остров. И вот, на восток от Крокодильего – Диония. Самая дальняя земля – Северный полуостров.

– А рядом с ним, что за маленький остров?

– Это Чайный остров.

– А дальше есть земли?

– Конечно. Только наши путешественники редко плавают туда. Жители Северного полуострова рассказывали им, что дальше находятся необъятная суша и много рек и озер, а море далеко. Чужаки так и называют те места: страна рек и озер. Вот и все, что я хотел рассказать.

– А хорошо бы увидеть весь мир.

– Я замечаю, Сатх, ты берешься за дела, которые не по силам, – произнес учитель, сворачивая карту. – Человеческой жизни не хватит, чтобы в подробностях изучить весь мир. Я когда-то тоже мечтал об этом, но... Но даже гондванские мудрецы не способны объять необъятное в своих астральных путешествиях. И дело тут не в огромных расстояниях. Дело в ограниченности человеческого разума. Увидеть иной мир – одно, но осмыслить – иное. – Длаз замолчал и с любопытством стал рассматривать матросов, исполняющих поручения капитана. – Кстати, о расстояниях. Пошли, посмотрим, как мерится скорость судна. Сейчас это произойдет.

В носовой части матрос установил большой арбалет, зарядил длинную стрелу, на конце который вместо острого наконечника прикреплен каплеобразный поплавок, выкрашенный в ярко-белый цвет. К оперенью привязана тонкая и прочная бечева, намотанная на небольшую лебедку. Матрос выстрелил. Буй упал в воду впереди судна. Капитан приложил руку к груди, приготовившись считать удары сердца. Человек в носовой части поднял руку – значит, судно передней частью сравнялось с бумом. Он прошел недалеко от левого борта, и вот матрос на корме поднял руку. Капитан закончил считать удары сердца.

– Между двумя руками где-то три удара. Неплохо идем.

– И так измеряют скорость? – удивился Сатх.

– Это примерный подсчет. Можно сказать, на скорую руку, – ответил Длаз. – Обычно используют хронометры, которые завязаны на скорости течения воды за бортом. Это сложный механизм.

– А время измеряют ударами сердца?

– В основном короткие промежутки, а большие – восходами солнца, лунами, их складывают в лета, затем в столетья, тысячелетья...

– А сколько лет миру?

– Об этом никто не знает, ведь время появилось из Хаоса, который существовал до начала всего, а сколько это длилось, тебе никто не скажет.

– Учитель, я бы хотел знать историю Гондваны.

– Всеу свое время, Сатх. Мы пробудем на Острове Богов, думаю, один лунный цикл, не меньше. И я еще успею тебе все рассказать, если захочешь.

Хайм замолчал, размышляя над удивительной вещью. Он ее сразу заметил. В Сатхе детская непосредственность соседствовала с взрослой задумчивостью. На первый взгляд, казалось, это подражание поведению старших, но Сатх не слепо копировал, он отсеивал то, что ему не интересно, а, значит, понимал, что делал.

Солнце проплыло по небосводу. День отгорел, а куски времени, падая в вечность, казались бликами на море, но скоро и им суждено исчезнуть. Они не вернуться. Время необратимо, человек всегда живет по его воли. Но с пространством по-иному. Можно пойти прочь от дома, но если захотеть, то вернуться назад – обратить путь. Время не заставишь идти от настоящего к минувшему.

Сатх недолго пробыл на палубе, наблюдая за игрой света на водной глади. Его глаза устали, и он ушел в каюту, лег и тут же уснул. Мир в мгновение будто потух, но странно, звуки стали отчетливей. Вот говор моря, вот корабль скользит по нему, взрезая воду и разбрасывая жемчужную пену. Даже закат, которого он не видел сейчас, обрел свой голос. Звуки разноцветной волной хлынули в сознание. Заполнили его. Необычное ощущение – видеть звук. И вот опять сверкающая волна вздыбилась и духи Лиму и Нукгур, приняв человекоподобный облик, оседлав неведомых морских животных, ворвались в симфонию сна. Сатх вспомнил, как хотел объять необъятное. Ему почудилось, что именно сейчас это и происходит. Он был в стране, где можно заглянуть за горизонт, где другие города и страны, иные люди, солнца, луны. Так необычно видеть чужой небосвод, по которому величаво плывут две луны, а днем, сменяя друг друга – два солнца. Но как бы не был чужд мир, он не враждебен, он наполнен душой доброй и нежной.

Сатх почувствовал себя морской гладью, зеркалом, в котором отражается целая вселенная. Короткий миг длиною в вечность. Вечность длиною в миг. Детское сознание привычно разложило сон на временной шкале: это раньше, другое – позже, но все, что увидел он, случилось одновременно.

Сатх очнулся. Похоже, стояла глубокая ночь. Учитель спал рядом в подвесной кровати. И Сатх закрыл глаза. «Скоро мы причалим к Острову Богов», – родились слова. Он осторожно выдохнул и...

И вот новый день, казалось, настал в следующую секунду. Сатха и Хайма ждали на берегу пять человек, когда торговое судно причалило. Обменявшись обычными приветствиями и пожеланиями, матросы сгрузили продукты, передав их жителям острова, и вернулись на корабль.

– Я вижу, вы прибыли со своим учеником, так ведь? – поинтересовался у Длаза один из жителей острова.

– Верно. Это Сатх Ной. Я – Хайм Длаз – его учитель. Мы здесь, чтобы ближе познакомиться с этими местами.

– Что ж, приятно слышать. Мое имя Фабиус, – мудрец сосредоточено посмотрел на гостей, а особенно задержал свое внимание на мальчике. – Я обязательно покажу вам остров. А сейчас следуйте за нами.

Тропинка убежала в заросли, поднимаясь в гору. Наконец, крутой подъем завершился. Люди стояли на вершине. Перед ними расстилалась долина. Сквозь изумрудный цвет, словно драгоценное ожерелье, прорастал Город Богов. Казалось, он создан из белых облаков, защищенных горами. В центре архитектурной симфонии высился храм, похожий на трехзубчатую корону. Конические башни вздымались к небесам, в них были видны вытянутой формы окна, чуть ниже – окна прямоугольны. У основания центрального зубца – арка – высокий портал. Это был вход в мистериал. Храм напоминал белую водяную лилию, только сильно вытянутую. Сатх заметил и много других сооружений. Рассмотреть их во всех подробно-

стях не удалось. Но те строения оказались ниже и имели иную архитектуру, привычную его глазу. Такие здания часто встречались и в Тирии, и на Портовом острове. А вот слева от «гигантской лилии» стоял храм. Нижняя часть полусферы, она символизировала солнце, а острые тонкие башенки – лучи. Посередине располагалась самая высокая из них, и на ее шпили прикреплен диск. Наконец, правый от «цветка» храм был незатейливым. Он напомнил Сатху цилиндрические зубчатые крепости Дионии, отличаясь только двумя башнями, которые будто выглядывали из-за спины своего старшего брата. Они представились ему крыльями-руками, воздетыми к небу. За спинами этих трех великанов были рассыпаны сооружения разной архитектуры, но чаще встречали кубы со сферическими крышами, в вершине которых Сатх заметил темные круги. Также он успел разглядеть тонкую паутину белых тропинок. Сатх знал из рассказов отца и матери, что они выложены мраморными плитами. Вдалеке, на самом краю Города Богов виднелись, похоже, скульптурные композиции.

Люди, передохнув, начали спуск, нырнув опять в заросли. Храмы скрылись из вида, но когда Сатх и Хайм очутились перед мраморной тропинкой, они невольно замерли.

– Я слышал о величии этих сооружений, – произнес Длаз, – но не думал, что они настолько огромны.

– Не в величии дело. Для храмов важно иметь большие пространства внутри, чтобы изобразить на стенах мистирию от Хаоса и до появления человека. Как-нибудь я вам покажу. А сейчас следуйте за мной в ваш новый дом, – ответил Фабиус.

Домом было одно из тех строений со сферической крышей. Внутри чисто. Круглое отверстие вверху оказалось дымоходом. Под ним находился очаг. Посуда лежала рядом с ним. Над очагом висел котел. Кровати – матрасы с валиками – у стен.

– Вот мой дом. Свои вещи можете пока оставить здесь, – предложил Фабиус.

– Спасибо, – ответил Хайм Длаз. – Скажу, между прочим, что я взял ученика не для того, чтобы ближе познакомиться с мистерией богов. – Фабиус понимающе кивнул, словно и не ждал иного продолжения разговора. – Буду говорить начистоту. Дело в том, что Сатху приснился сон. В нем старец посоветовал ехать на Остров Богов, а я знаю, насколько вы трепетно относитесь к сновидениям.

– Ну, тут обычное дело. И позвольте вас поправить. Гондванские мудрецы не трепетно относятся к снам. Это не очень удачное слово. Мы просто умеем их толковать. Если что-то тревожило человека весь день, оно может воплотиться в мире фантазий. Например, какая-нибудь идея, беспокоящая сознание, вдруг разрешается сном. Сатх, ты раньше не думал об Острове Богов?

– Нет. Но тот старец сказал, что его зовут Свис.

– Дух суховеев? Тогда все сложнее.

Фабиус замолчал, что-то обдумывая.

– Вы считаете... – начал Длаз.

Но мудрец, подняв руку, продолжил его мысль:

– Кто знает. Может, действительно твоего ученика потревожил Свис, но вот зачем? Сны – тонкая материя, они как самый острый кинжал. Представьте себе, держишь его за лезвие, одно неловкое движение – и ты поранился. Так и со сновидениями: одно неверное суждение, и ошибки в толковании не избежать.

Мудрец замолчал, опять что-то обдумывая.

– Хочу сказать, что есть подобные сну состояния, но это нельзя назвать сном, – продолжил Фабиус. – Это когда человеческая душа путешествует по иным мирам. Странствие может совершаться в двух вариантах: с духами Матери Мира или с духами Хаоса. В твоём сне, Сатх, был Свис, но он двойственен. Он служит как Великой Матери, так господину небытия, всегда ища для себя выгоды.

Длаз вспомнил учение о сновидениях. Если душа путешествует с духами Хаоса по мрачным мирам, то, проснувшись, человек ничего не помнит, но у него остается сладко-жуткое ощущение соблазна кануть во мрак, желание поддаться темному стремлению. Если путешествие по иным мирам совершается с духами Матери Мира и душа заглядывает в миры Хаоса, то у нее тоже после пробуждения остается сладко-жуткое чувство, но она слышит голос разрушения и осознает его губительность. Поэтому чтобы решить, кто был сопровождающим, не обязательно помнить сон, достаточно бывает ощущений привнесенных оттуда. Ну, а распорядиться своей судьбой ты решаешь сам: идти ли дорогой духовидца к Матери Мира, или к Хаосу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.